

ЛЕДЯНОЕ СЕРДЦЕ ЭРИДЫ

за гранью

ЦИТИАНКА

18+

Хладные тени

Цитианка

Ледяное сердце эриды. За гранью

«Автор»

2026

Цитианка

Ледяное сердце эриды. За гранью / Цитианка — «Автор»,
2026 — (Хладные тени)

История начнётся там, где оборвалась жизнь. За гранью, где не властно время, они обрели то, чего не смогли иметь при жизни — долгожданны покой и друг друга. Каждый день, в хрупком свете нового мира, Каин приходил к ней. Вместе они строили свою маленькую вечность, веря, что ничто больше не способно их разлучить. Но утро, которое должно было стать таким же, как всегда, изменило всё. Каин не пришёл.

© Цитианка, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	33
Глава 4	40
Глава 5	49
Глава 6	61
Глава 7	67
Глава 8	73
Глава 9	82
Глава 10	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Ледяное сердце эриды. За гранью

Предисловие

Дорогой читатель.

Если ты открыл эту книгу, значит впереди у нас общий путь. Он пройдет через холод, утраты, выбор между долгом и сердцем, через моменты, когда человек держится только силой воли, а надежда кажется погасшей. Здесь нет простых ответов и легких побед, зато есть жизнь такой, какой она часто бывает — сложной, болезненной, прекрасной и упрямо идущей вперед.

Эта история о героях, которые ошибаются, падают, совершают страшные поступки, но продолжают искать свет даже среди зимы.

Я благодарю тебя за доверие и надеюсь, когда будет перевернута последняя страница, что-то из этой истории останется с тобой надолго.

Добро пожаловать в Альверонд

История о чувствах, способных пережить войну, время и саму смерть.

ТРЕТЬЯ КНИГА ЦИКЛА

Глава 1

Селина

Ветер бьет в спину с такой силой, будто хочет сбросить меня со скалы раньше времени. С неба медленно сыплется снег, забираясь ледяными иглами под тонкую ткань сорочки. Мокрая материя липнет к коже, повторяя каждый изгиб тела, и совсем не держит тепло. Плечи быстро немеют, пальцы деревенеют, но я стою, упрямо выпрямившись, пытаюсь сохранить остатки достоинства.

Внизу лежит озеро, по темной воде которого лениво плывут льдины, сталкиваясь друг с другом с глухим треском. Вспоминаю, сколько раз бывала на этом самом месте, только тогда передо мной стояли другие эриды, а я спокойно ждала сигнала, который должен был прозвучать сухо и безразлично, как сегодня прозвучит мой собственный приговор. Но есть еще одно отличие, и именно оно поднимается во мне холодной волной, заставляя пальцы сжаться. В те дни я не ощущала ни страха, ни жалости, и мое сердце не билось в груди.

Теперь я стою здесь, чувствуя, как оно отчаянно долбится в ребра, и в этом есть ирония. Потому что только недавно я впервые за всю жизнь ощутила настоящее тепло внутри себя. Узнала, что значит держаться за другого человека, бояться потерять его. И теперь мир решил отнять у меня все сразу, обрывая мою жизнь здесь, на этом холодном краю скалы.

Улавливаю его приближение раньше, чем до меня доносится звук шагов. Воздух за спиной становится тяжелее, и я безошибочно узнаю его, даже не оборачиваясь.

— Ты очень разочаровала меня, Селина, — произносит Эзар Дарр, как всегда спокойно. — Меньше всего я ожидал предательства именно от тебя. Я рассчитывал на то, что ты останешься частью порядка, который я выстраивал ради нашего рода. Ты знала, к чему мы идем, знала, какой ценой давался союз, и все равно выбрала разрушить его.

Он останавливается рядом, но все еще позади, по привычке занимая место старшего. Знаю, что сейчас Эзар смотрит на меня своим тяжелым взглядом. Столько лет он тратил на меня время и силы, ломал привычки. И теперь, глядя на меня, он видит только бесполезный итог своей работы, в которую вложил слишком много труда. Сейчас я для него всего лишь трещина, от которой пора избавиться.

Я наконец оборачиваюсь к нему и понимаю, что не хочу оправдываться. Желание что-то объяснять тоже быстро исчезает. По его лицу, по тому, как он держит голову и сцепил руки за спиной, я вижу, что решение он принял уже давно. Возможно, еще до этого утра. Может быть, в тот самый миг, когда я вышла из строя и рассыпала артерру на поле боя. Эзар всегда расправлялся с угрозой одинаково. Сейчас я для него угроза и глупо верить, что стану исключением только потому, что он воспитывал меня с девяти лет.

— Ты даже ничего не скажешь? — спрашивает он, наклоняя голову.

— Ты же учил меня молчать и слушаться старших, — отвечаю тихо, но с ноткой вызова, которая вырывается сама собой. — Разве не так? Быть послушной, не задавать вопросов, выполнять приказы. А теперь вдруг хочешь, чтобы я объяснялась перед тобой?

Глаза Эзара сужаются и на миг мне кажется, что он сейчас отвернется и закончит этот разговор так же спокойно, как начал. Но вместо этого Верховный делает шаг ближе, и мне приходится удержаться на месте, чтобы не отступить туда, где уже начинается край скалы и пустота над озером.

— Знаешь, почему я взял тебя на воспитание, Селина? Ты была очень похожа на одну эриду. Такая же свободолюбивая и упрямая. Она тоже думала, что может переписать правила, и выбрать свой путь.

— И что с ней случилось? Ты сломал ее, как пытаешься сломать меня?

Я бросаю эти слова резко, ожидая, что они отскочат от его обычной маски спокойствия, но вместо этого впервые вижу, как в глазах Эзара промелькнула боль, затмившая на миг холодную уверенность. Это длится всего секунду, но ее хватает, чтобы я поняла, что под его строгой выдержкой скрывается старая рана.

Он отводит взгляд к озеру, где льдины продолжают сталкиваться друг об друга.

— Она ушла из Луциора очень давно, — отвечает он наконец уже без прежней твердости. — Ушла, потому что не смогла принять мои правила.

На секунду мне хочется спросить, о ком именно он говорит и с кем сравнивает меня. Но я не успеваю произнести ни слова, как его лицо мгновенно меняется. Эзар хватается за плечо, и с силой притягивает к себе так, что холод его дыхание касается моего лица.

— Именно это и есть ваша главная ошибка, — говорит он уже совсем другим голосом, жестким и злым. — Вы верите в чувства. В привязанность, в жалость, в любовь. Но все это делает вас слабыми. Ты теперь слабая, Селина, посмотри на себя — с этим сердцем, которое бьется, как у жалкого человека.

Его свободная рука поднимается и ложится на мою грудь прямо над сердцем. Он сжимает пальцы пытаюсь раздавить этот новый чужеродный ритм внутри меня.

— Когда-то и у меня оно тоже билось, — продолжает он с холодной злостью, — Как и у каждого эриды, но люди лишили нас имфириона, выгнали в этот проклятый холод. Мы должны были встать выше них, стать сильнее, безжалостнее, а ты все испортила, предала род ради чего? Ради слабости!

Эзар резко толкает меня к краю обрыва, но я хватаю его за руку, впиваясь пальцами в запястье и тяну за собой. Камень уходит из-под ног, и в следующую секунду мы вместе срываемся в ледяную бездну.

— Селина!

Мягкий, но настойчивый голос прорывается сквозь тьму и в следующую секунду кто-то трясет меня за плечо. Его пальцы теплые и осторожные, не дают полностью утонуть в холодной воде.

Я резко открываю глаза, словно только что по настоящему выбралась из озера и вижу перед собой знакомую комнату с деревянными стенами, и Каина, сидящего рядом на краю постели. Его глаза полны беспокойства, смешанного с той нежностью, которую я научилась узнавать за долгое время, проведенное здесь.

Он пришел ко мне. Как всегда. Его плащ висит на спинке стула, а теплая рука все еще лежит на моем плече, отгоняя остатки сна.

— Что случилось? — спрашивает он хриплым голосом, — Ты вся извивалась в постели, стонала, дергалась. Опять... опять тот сон, да?

Я медленно сажусь, откидывая спутанные пряди волос с лица. Сердце все еще колотится внутри, отдаваясь глухим эхом того падения, а на запястье горят следы пальцев. Присутствие Каина постепенно успокаивает меня, заставляя тело возвращаться в реальность этой комнаты с потрескивающим очагом и туманом, клубящимся за окном.

— Все в порядке, — отвечаю я, протягивая руку и касаясь его ладони, переплетая пальцы, чтобы убедиться, что он здесь, что это не продолжение сна, — Просто... воспоминания. Ничего, что стоит твоего беспокойства.

По едва заметному напряжению в его лице, я понимаю, что Каин не верит ни одному моему слову. Он вообще слишком чувствителен ко всему, что касается меня, и иногда мне кажется, что этот мужчина как эрид считывает каждую мою эмоцию.

— Я знаю, что тебя беспокоит, — он крепче сжимает мою руку, не сводя с меня глаз, — ты думаешь об озере. О том, что твое тело лежит там, на дне, рядом с теми, чьи казни ты когда-то исполняла. Я понимаю, почему это не дает тебе покоя, Селина. Это место и при жизни не отпускало тебя, а теперь тем более.

Я опускаю взгляд на наши переплетенные пальцы. Казалось бы, я умерла. В мире за Гранью я должна была наконец обрести спокойствие и избавиться от всех тягот прежней жизни, но этого не случилось. Сердце бьется даже здесь. За Гранью. И вместе с ним во мне проснулось слишком много чувств сразу, слишком много боли, вины, страха и привязанности, с которыми я до сих пор не умею справляться.

Меня не отпускает вина перед теми, кого я убила в ту войну, когда сердце впервые забилося. Все, что поднималось во мне в тот момент, весь страх, тоска, отчаяние и боль, легко уходило в других и ломало, оставляя после себя лишь мертвые тела с окровавленными лицами. И да, меня беспокоит и то, что мое тело лежит на том проклятом дне среди мертвых, которых я сама когда-то сталкивала вниз. Рядом со мной лежит Эзар, и мне порой кажется, что он даже мертвый все еще цепляется за меня, не желая отпускать. Меня тревожит мысль, что однажды Каин не придет. Я слишком привыкла к тому, что он всегда находит меня, и теперь сама эта привычка пугает, потому что я не уверена, что смогу вынести одиночество, если однажды его не окажется рядом.

Все это волнует меня, заставляя пальцы сильнее сжиматься вокруг его ладони. Однако, сильнее всего гложет другое, и от этого мне становится еще хуже, потому что сказать Каину правду я не могу. Это другое. То, о чем даже думать особенно совестливо.

— Все в порядке, — наконец отвечаю, не желая начинать утро с разговора о плохом. — просто дурной сон. Не переживай. Ты здесь со мной, пришел ко мне, и это главное.

Я смотрю на него, удерживая улыбку, стараясь, чтобы она выглядела спокойной и ровной. Еще в прошлой жизни я бы не задумалась о том, что скрываю правду или недоговариваю что-то. Особенно перед человеком.

Каин смотрит на меня внимательно и слишком долго молчит. Его взгляд скользит по моим глазам, задерживается на губах, потом снова возвращается к лицу, и я понимаю, что он видит гораздо больше, чем я хотела показать. Но не спорит.

— Мы еще вернемся к этому разговору, а сейчас я просто хочу побыть с тобой. Я очень скучал по тебе, Селина.

От этих слов у меня сбивается дыхание сильнее, чем от сна. Каин наклоняется ко мне ближе, его рука поднимается к моему лицу, убирая с виска спутанную прядь, и прикосновение выходит таким бережным, что от него становится почти больно. Я не успеваю ничего ответить. Да и не хочу. Мне слишком нужно его тепло, слишком нужно ощущение, что он по настоящему рядом сейчас.

Он целует меня медленно, давая мне время привыкнуть к реальности после кошмара. Его ладонь остается у меня на щеке, большой палец легко скользит под скулой, и я закрываю глаза, позволяя себе на несколько мгновений не думать ни о чем. Только об этом. О тепле его губ. О том, как подается ближе его тело. О том, как я сама тянусь к нему, касаясь другой рукой его плеча и чувствуя под тканью напряженные мышцы.

— В этом мире слишком много странных правил, — произносит он, касаясь губами моего виска, потом щеки, спускаясь ниже, — я могу прийти к тебе. Могу сидеть рядом столько, сколько захочу. Могу говорить с тобой, касаться тебя, даже уснуть рядом с тобой.

Он делает короткую паузу, прижимаясь лбом к моей голове.

— Но не иметь возможности проснуться, видя твое лицо первым, каждый раз исчезать, когда туман сгущается. Возвращаться, блуждая в этом сером месиве, которое разлучает нас снова и снова, словно мы еще не заслужили полной близости, не заслужили делить сон и пробуждение, хотя это все, чего я хочу, Селина. Просто держать тебя в объятиях, не отпуская ни на миг.

Я слушаю его и чувствую, как внутри снова поднимается тот самый страх, который я стараюсь не трогать даже мысленно. Боюсь, что однажды Каин просто не найдет ко мне дорогу

и останется там, по другую сторону, и между нами уже встанет не расстояние, не война, а сама Грань.

Эта мысль резко поднимается внутри, скручивая все так, что становится трудно дышать.

— Ты дрожишь, Селина. Тебе холодно?

Я качаю головой слишком быстро, и пытаюсь улыбнуться так, чтобы это выглядело легко.

— Все в порядке, — я придвигаюсь к нему сама, не давая этой паузе разрастись, и утыкаюсь лбом ему в висок на короткое мгновение, чтобы скрыть собственное лицо, — наверное, просто озноб от твоих поцелуев.

Он тихо выдыхает. Потом его губы снова находят мои, уже настойчивее, и я отвечаю без колебаний. Его рука скользит по моей спине поверх тонкой ткани, и постель под нами тихо шуршит, когда он осторожно укладывает меня обратно на подушки, не разрывая поцелуя.

Пламя в очаге потрескивает. Комната кажется совсем замкнутой вокруг нас двоих, и мне страшно думать о том, сколько нам отпущено таких мгновений, поэтому я не думаю. Просто глажу его плечи, запускаю пальцы в волосы, вбираю в себя тепло и слушаю, как постепенно успокаивается сердце, которое еще недавно колотилось от сна.

Туман за окном все еще клубится, но здесь, в этой постели, между нами нет расстояния. Пока нет. И я цепляюсь за это «пока» так же отчаянно, как за его плечи — потому что только в его руках я наконец перестаю быть той ледяной эридой с дна озера. Здесь, в этом мире, я просто Селина.

Его Селина.

Иногда я стою здесь и нарочно вглядываюсь в туман так долго, пока не начинают болеть глаза, будто еще немного, еще одно усилие, и за этой белесой пеленой вдруг проступит что-то знакомое. Мне порой кажется, что если напрячься сильнее, если не моргать, если дышать тише, то я снова увижу не этот молочный свет и не бесконечные прямые стволы, уходящие вверх так высоко, что облака проглатывают их без остатка, а увижу темные скалы Луциора или чащу Запредельного леса. Но Мир за Гранью устроен иначе. Здесь нет ни одной знакомой линии, за которую можно зацепиться, нет привычной тени от ветвей, потому что ветвей нет вовсе, только длинные серые стволы, ровные, как колонны, и лозы, туго обвивающие их снизу доверху. Они шипастые, с черными бутонами, похожими на лилии. Иногда сверху медленно осыпаются серебристые лепестки, и я каждый раз поднимаю голову, пытаюсь понять, откуда они берутся, но так и не вижу ничего, кроме облачной белизны.

Я иду, раздвигая рукой туман перед собой, хотя в этом нет смысла, и останавливаюсь у одного из стволов. Лоза крепко впивается в серую кору, а черные бутоны на ней кажутся плотными, и холодными. Я осторожно касаюсь одного пальцами.

— Это нивелии, — произносит Каин у меня за спиной, и я оборачиваюсь к нему.

Он стоит совсем рядом, так близко, что край черного плаща касается тумана у моих ног.

— Нивелии? — переспрашиваю я, проводя пальцем вдоль темного лепестка. — Те самые? Я видела их когда-то, но они были белыми.

— В нашем мире они и растут белыми, — он касается лозы, но осторожнее, чем я, — их сажают у могил. Есть старое поверье, что если белая нивелия вдруг распустится черной, значит душа не ушла до конца и хочет вернуться в тело.

Я снова смотрю на бутоны. Они здесь все черные. Не один, не два. Все.

— Но здесь они черные, — говорю я, и от этих слов даже мне самой становится не по себе.

Каин коротко усмехается, но в этой усмешке нет веселья, только усталое тепло, которым он обычно прикрывает слишком тяжелые мысли.

— Наверное, здесь просто слишком много тех, кто не успел договорить, не успел доделать, не успел проститься, — он проводит пальцами по одному из бутонов и потом убирает руку, — а может, это просто старое поверье, чтобы у живых оставалась надежда, что однажды кто-то из любимых вернется назад. Люди всегда придумывают такие вещи, когда не хотят смиряться. И, если честно, я не уверен даже в том, что это действительно нивелии. Может быть, они только похожи на них. Может быть, все это место вообще не настоящее, а лишь что-то, что я сам сумел удержать в голове.

Я хмурюсь, глядя на него. Каин говорит это равнодушно, но я уже слишком хорошо знаю эту манеру и слышу, как за ровным голосом он прячет то, что на самом деле его тревожит.

— Что ты имеешь в виду?

Он несколько секунд молчит, уводя взгляд в туман между стволами.

— Иногда я думаю, что после смерти душа не попадает никуда, кроме самой себя, — он медленно выдыхает, и серебристый лепесток опускается ему на плечо, задерживаясь на темной ткани, — что весь этот мир за Гранью, деревья, туман, дороги, даже ты, все это может быть просто тем, что я вообразил, чтобы не исчезнуть. Какая-то последняя уловка сознания. Последнее место, которое оно строит себе само. Может быть, и ты, Селина, лишь отголосок моей души, который принял знакомый облик, потому что я не смог отпустить тебя даже здесь.

У меня внутри все сжимается так резко, что я не сразу нахожу слова. Он произносит это без насмешки, и от этой тихой серьезности мне становится страшно. Не думая, я хватаю его за руку, сердито сжимаю ее, намереваясь одним этим жестом опровергнуть саму возможность того, что он сказал.

— Нет, — вырывается у меня слишком резко, и я сама слышу, как в голосе звучит испуг, — не говори так. Я настоящая. Я здесь. Я чувствую, помню, спорю с тобой, злюсь на тебя, хочу быть рядом с тобой. Отголоски так не делают.

Только договорив, я понимаю, как сильно сжала его пальцы, и чуть ослабляю хватку. Каин переводит взгляд на меня, и в его лице наконец что-то меняется. Уголки губ едва заметно поднимаются.

— Да, — отвечает он, виновато склоняя голову, и глядя на наши руки, — просто мысль пришла. Глупая. Не обращай внимания.

Я хочу сказать, что это не глупость, раз он решился произнести ее вслух, но слова застревают. Мы снова идем вперед по узкой тропе, и туман мягко расходится перед нами, тут же смыкаясь за спиной. Несколько шагов я молчу, слушая только наши шаги в этой странной тишине, потом все-таки поднимаю на него взгляд.

— А ты хочешь вернуться обратно? В мир живых.

Слова выходят тихо, и я сама чувствую, как они сразу делают воздух между нами тяжелее.

— Думал об этом. И не один раз. — Он медленно выдыхает, сильнее переплетая пальцы с моими. — Когда я только оказался здесь, это была первая мысль, за которую я держался. Там остался мой трон. Мое государство. Люди, за которых я отвечал. Война, которую я не довел до конца. Я должен был вернуться, — добавляет он уже жестко, и в этих словах слышится тот самый Каин, которого я знала там, в реальном мире. — А потом, я вдруг почувствовал странное, упорное ощущение, будто меня тянут в одну сторону, и если я пойду туда, то найду что-то важнее всего остального. Я пошел. И это привело меня к тебе.

Я слушаю его и вместе с теплом от его слов в груди поднимается тот самый, знакомый стыд. Каин уже говорил мне об этом чувстве. Не раз. О том, как всякий раз что-то ведет его ко мне сквозь этот странный мир без неба и без конца. Для него я существую как направление, как нить, за которую можно ухватиться. А я молчу и впервые признаюсь себе в том, в чем не решалась признаться даже мысленно до конца.

Я не чувствую его так же.

Если бы Каин сейчас исчез в этом тумане, и белая мгла скрыла его от меня, я не уверена, что смогла бы найти его так же верно, как он всякий раз находит меня.

— А ты, — он слегка сжимает мои пальцы, не давая мне спрятать руку в складках платья, — ты хочешь вернуться?

Я опускаю взгляд на наши руки, на серебристые лепестки, которые легли между нашими ногами и зацепились за темные корни, торчащие из земли, и думаю о том, что, казалось бы, в мире живых для меня уже не осталось ничего, что могло бы тянуть обратно. Слишком многие умерли. Эсса. Лаэр. Орвин. Ривен. Они тоже где-то здесь, за Гранью.

И все же что-то упрямое продолжает тянуть в реальный мир, где в склепе Веларрона лежит тело Каина, а мое собственное покойся на дне ледяного озера. Там, в мире живых, нас разделяют камень, лед, расстояние, смерть. Здесь, в Мире за Гранью, нас разлучает туман, этот белый тюремщик, который всякий раз приходит за нами, словно не терпит, чтобы мы слишком долго оставались вместе. В разных мирах правила разные, а итог один и тот же. Мы не можем быть полностью вместе.

— Не знаю, — говорю тихо, глядя ему в лицо, — наверное, все, кто был мне важен, теперь уже не там. Они либо здесь, либо где-то еще, если есть еще что-то кроме этого места. — Я на секунду замолкаю, потом все же спрашиваю: — А ты... ты приходил еще к кому-то, кроме меня? Здесь ведь наверняка есть кто-то еще, кого ты искал.

Каин только осторожно кивает и я не спрашиваю, к кому именно. Ответ сам вспыхивает у меня в голове, и от этого я опускаю глаза, давая ему возможность не продолжать, если он сам не захочет. Его отец. Конечно. Роден погиб с ним в один день, и было бы даже странно, если бы они не встретились здесь. Все-таки он его отец, каким бы тяжелым ни было между ними прошлое. Им наверняка было что сказать друг другу. Слишком много осталось недоговоренного еще при жизни.

В голове поднимается лишний вопрос, но я сразу давяю его. Каин всегда болезненно относился к отцу, и сейчас лезть в это мне не хочется.

Ветер проходит между деревьями, и в этот момент я вдруг замечаю, что туман вокруг стал гуще. Он медленно поднимается между стволами, расползается по земле, заполняя пространство между корнями, и воздух становится тяжелее. Лес постепенно погружается в сон.

Тот самый момент приближается.

Я поворачиваюсь к Каину быстрее, чем успеваю подумать.

— Я хочу успеть побывать в одном месте, — говорю я быстро. — Прежде чем это произойдет.

Он не спрашивает, куда именно. Просто кивает и мы начинаем двигаться по узкой тропе, которая тянется между стволами. Место, куда мы идем я нашла случайно, блуждая в тумане, когда в очередной раз пыталась уйти дальше, чем обычно, и с тех пор оно не выходит у меня из головы. Дорога тянется долго, и я уже начинаю думать, что ничего не изменится, но потом деревья вдруг редуют и через несколько секунд тропа выводит нас к самому краю склона, от куда тянется ветер с ароматом сладких цветов.

Я останавливаюсь так внезапно, что Каин тоже замирает рядом, и несколько секунд мы просто стоим молча, глядя вниз. Под нами, далеко внизу, раскинулось поле красно-оранжевых цветов. Они покрывают все пространство сплошным живым ковром, переливающимся, как пожар. Поле уходит далеко вперед, что невозможно различить, где оно кончается, и кончается

ли вообще. И только над этим местом нет тумана. Совсем. Он обрывается у края обрыва, не смея опуститься туда, в эту красную бездну. Из-за этого все внизу кажется еще более нереальным, словно это место не принадлежит миру за Гранью.

Я делаю шаг ближе к краю, и смотрю вниз так долго, что начинает кружиться голова. Мне кажется, что если шагнуть туда и пройти через это поле, все закончится. Или, наоборот, начнется что-то другое. Я не знаю. Я вообще не знаю, что это за место и можно ли умереть здесь, если мы уже мертвы. Слишком высоко, чтобы думать об этом спокойно.

— Как ты думаешь, — спрашиваю я, не отрывая глаз от красных цветов, — У этого места есть конец? Я имею в виду. Может быть, это не просто мир, куда мы попали. Может быть это только один из этапов. Перед чем-то еще.

— Все возможно, — отвечает Каин, и в его голосе слышится та же неуверенность, что и у меня. Он делает полшага вперед, становясь рядом. — Мы ведь до сих пор почти ничего не понимаем о месте, в котором оказались. Может быть, у него действительно есть границы. Может быть, за этим полем начинается что-то другое. А может, именно так все и устроено, чтобы мы все время искали смысл, которого здесь просто нет. Но я знаю одно точно, — Каин медленно переводит взгляд на меня, — Где бы мы ни оказались потом, в каком бы мире, в какой бы темноте или пустоте, я все равно буду находить тебя. Каждый раз.

Он говорит это так просто, как если бы речь шла не о невозможном, а о чем-то настолько естественном, что даже не требует доказательств.

— Ты так уверенно это говоришь.

— Потому что для меня это уже не вопрос, — он поднимает руку и убирает с моего лица прядь, которую ветер все время бросает мне на губы, — я не сомневаюсь только в очень немногих вещах, Селина. Ты одна из них.

Я поднимаю глаза, и на мгновение между нами повисает тишина, наполненная только шелестом цветов. Хочется сказать хоть что-нибудь простое, земное, чтобы не думать о тумане, который уже ползет за нами между деревьями.

— Можно я спрошу тебя о странном, — я криво улыбаюсь, глядя на него снизу вверх.

— Конечно, Селина. Спрашивай.

— Ты вообще думал о том, что оставил Теодену в наследство целый Веларрон?

На лице Каина тут же проступает улыбка, и я сразу вижу, что он уже представил себе эту картину во всех подробностях: Теоден стоит посреди дворца с таким видом, будто на него обрушили потолок, смотрит на корону как на личное оскорбление и мысленно кроет его всеми словами, какие только знает.

— Честно говоря, нет, — он слабо усмехается, — Теоден никогда особенно не вникал в дворцовые дела. Совет, бумаги, бесконечные споры, придворный порядок, все это всегда было ему в тягость. Он человек действия, а не зала совета. Ему проще принять решение на месте, чем часами разбирать слова и намерения.

Он переводит на меня взгляд, и улыбка у него становится теплее.

— Но рядом с ним Эрис, а значит, у Веларрона есть очень надежная опора. Она внимательна, умна и умеет видеть дальше других. Теоден может не любить все это, но эта девушка поможет держать все в порядке. Так что да, думаю, вместе они справятся.

Я отвожу взгляд вниз, туда, где ветер гонит по бескрайнему полю красно-оранжевые волны цветов. Еще до того, как меня поймали стражи Эзара, я успела услышать о Теодене разговоры охотников в лесу. Народ Веларрона знал его, как сильного воина и человека Каина, но королем принимали не все, потому что он Остран, а не Эрдан, не прямой наследник и не тот, кого с детства готовили к трону. А когда люди слышали фамилию его невесты, слухов стало еще больше. Эрис принадлежала к древнему роду Расселов, которые когда-то враждовали с Эрдами. И хотя сама Эрис очень много сделала для победы в войне, а деньги ее отца сильно помогли короне, на их брак все равно смотрели настороженно. И теперь она невеста, а может уже и жена короля Веларрона.

Я никогда не думала о себе как о чьей-то жене. Даже само это слово всегда казалось мне чем-то человеческим, тесно связанным с их законами, клятвами, обрядами, в которых мужчина открыто выбирает женщину и делает ее своей перед всеми. У эридов пары заключаются больше по необходимости, да и только если уже намечается потомство. Никаких чувств, никаких клятв. Просто долг перед родом. Я даже не думала о нас с Каином в таком смысле. Не думала о том, совместима ли я с ним как эрида с человеком, возможно ли между нами не только желание и близость, но и ребенок.

Я стою рядом с Каином, чувствуя тепло его ладони, и мне вдруг становится неловко от своих мыслей. Слишком непривычных для меня, но прогнать их уже не выходит, и я только

крепче сжимаю его руку, будто это поможет сохранить спокойное лицо и не показать, о чем я сейчас думаю.

Туман за спиной становится гуще. Я чувствую это раньше, чем вижу.

Воздух становится плотнее.

Наступает тот самый момент.

Я смотрю на Каина и понимаю, что он тоже это чувствует и уже смотрит не на цветы, а на туман, который поднимается вокруг нас все быстрее, как вода, которая медленно наполняет чашу.

— Похоже — тихо произношу я, но не могу договорить.

Туман уже поднимается выше.

— Селина

Я качаю головой, потому что не хочу слышать ничего, что звучало бы как прощание. Я резко хватаю Каина за руку, он тут же сжимает мою ладонь в ответ.

— Пообещай мне, Каин. Пообещай, что найдешь меня, — повторяю я дрожащим голосом.

Он смотрит на меня и в его взгляде появляется то спокойное упрямство, которое я видела уже много раз.

— Я уже обещал, Селина.

Туман уже поднимается до пояса, и огненное поле вокруг нас становится призрачным.

— Но если тебе нужно услышать это снова — продолжает он, сжимая мою руку. — Я найду тебя.

Ветер проходит через поле в последний раз, поднимая едва видимую волну лепестков.

— Где бы ты ни оказалась.

Туман уже касается лица.

Я смотрю на него еще мгновение, стараясь запомнить это выражение, линию его плеч, тепло его ладони.

Потому что дальше я знаю, что будет.

Я больше не хочу смотреть, как он исчезает.

Каждый раз это одинаково, и каждый раз я думаю, что привыкну.

Я закрываю глаза.

Просто потому, что больше не могу терпеть этот момент.

Воздух на секунду становится совершенно неподвижным.

Когда я снова открываю глаза, вокруг уже тихо.

Огненной поляны нет. Тумана тоже нет.

Я стою посреди своей комнаты. Окно закрыто тяжелыми шторами, очаг едва тлеет, и дом снова наполнен мягкой тишиной, которой всегда заканчивается этот день.

Я медленно выдыхаю, и только тогда понимаю, что моя рука все еще сжата так, будто я продолжаю держать его ладонь.

Глава 2

Элария

Путь от Элмора оказался совсем не близким, особенно когда преодолевать его пришлось с Ривеном на одной лошади. С самого начала я собиралась в Веларрон, потому что там был Адарис. Но вместо этого мы свернули на север, к горам, и в конце концов дорога привела нас в Луциор. Когда мы въехали в город, Ривен сразу увел лошадь к конюшне, чтобы накормить ее, а я, не желая тратить время, пошла по тропе вдоль домов.

Я могла бы сказать себе, что прибыла сюда только затем, чтобы забрать одну вещь, или просто вспомнить былое, пройдя по узким улицам между каменными домами, но это было бы ложью. Именно здесь мой расчетливый брат постепенно превратился в того, кто ради власти начал сбрасывать себе подобных в Ледяное озеро, и меня не удивляет, что в конце концов он сам оказался на его дне. И может быть, именно желание увидеть это место из-за него привело меня сюда.

Луциор встречает меня так, как и должен встречать тех, кто ушел без дозволения и вернулся без приглашения — сухим щелчком натянутой тетивы.

Из тени между домами выходит эрид, и первое, что бросается в глаза — его лицо, испорченное шрамом, тянущимся с правой стороны от лба через глаз вниз по щеке. Волосы у него белые, до плеч, растрепанные ветром, кожа бледная даже по нашим меркам, скулы острые, а глаза светятся ярким фиолетовым светом без всякой попытки скрыть голодную настороженность.

Он не моргает, направляя наконечник стрелы точно между моих ребер.

— Опасно в таком виде появляться в Луциоре, Элария, — произносит он, не торопясь опускать лук.

— А ты все еще любишь целиться без предупреждения, Кард, — отвечаю я, глядя прямо на него. — Значит, кое-что в Луциоре осталось неизменным.

— Выглядишь отвратительно, — он склоняет голову, разглядывая меня с ног до головы. — Жизнь рядом с людьми тебя испортила, и я даже не уверен, что это можно исправить.

— Не тебе решать, как я выгляжу. Я не для Луциора старалась и точно не для твоего одобрения.

Кард тихо усмехается и сильнее натягивает тетиву, напоминая, что разговор держится не на словах.

— Это и не мое дело. Просто потом не говори, что тебя не предупреждали, если кто-то из наших перепутает тебя с человеком. Сейчас не те времена, чтобы долго разбираться, и если на тебя набросятся и выкачают имфирион до последней капли, это уже будет не моей проблемой.

Он делает короткую паузу, скользя взглядом по моим рыжим волосам, с брезгливым недоумением. Я и сама первое время вздрагивала, видя в воде не белые волосы, а этот теплый медный оттенок. Пришлось изменить цвет, потому что белый выдавал во мне эриду, и Сарен, порывшись среди их склянок и трав, нашел какое-то средство. Непривычно, неудобно, зато безопасно, и с некоторых пор я слишком хорошо понимаю цену таким мелочам.

— Время тяжелое, сама знаешь, — продолжает он. — После войны людей в лесу почти не осталось, а те, что есть, прячутся лучше, чем раньше. А ты теперь выглядишь как слишком

удобная добыча. Слишком заметная. Слишком вкусная. — его фиолетовые глаза расширяются. — Настоящая приманка.

— Прекращай пугать Эларию, Кард, — раздается впереди ровный женский голос. — Правила остаются неизменными. Мы не питаемся имфирионом друг друга.

Я перевожу взгляд мимо Карда и вижу Мирель, неторопливо выходящую из-за поворота, и первое, что сразу бросается в глаза, — белый хартан, идеально облегающий ее фигуру. Когда-то он был символом служения людям, но здесь, в Луциоре, белое носят только члены совета и сам Верховный, и этого достаточно, чтобы понять — после того как мой брат погиб, эта эрида, не теряя времени, заняла его место.

— Зачем ты вернулась, Элария? — спрашивает Мирель, останавливаясь рядом с Кардом. — Кажется, прошло лет пятьдесят с тех пор, как ты покинула Луциор.

— Пятьдесят четыре, — поправляю я, не сдвигаясь с места. — Если уж берешься считать мои годы вне Луциора, считай правильно.

— Пятьдесят четыре, — повторяет она, проводя ладонью по белоснежному меху на ее плаще. — Тем более любопытно. Пятьдесят четыре года ты жила где-то далеко, не возвращалась, не писала, не интересовалась тем, что происходит здесь. И вот теперь снова стоишь на этой дороге. Так зачем пришла?

Я не отвечаю. Вместо этого еще раз прохожусь взглядом по ее одежде, и по тому спокойствию, с которым она держится передо мной.

— Вижу, время ты не теряла, — говорю я, поднимая глаза ей в лицо. — Решила занять место моего брата?

Кард тихо хмыкает сбоку, наконец убирая лук за плечо.

— Кто-то же должен был это сделать, — отвечает Мирель с таким спокойствием, что хочется стереть с ее лица это самообладание. — И, как видишь, никто не жалуется. Луциор стоит, Совет подчиняется, стража не ропщет, голод не управляет нами так, как раньше. Для места, которое ты когда-то покинула, все складывается удивительно хорошо.

Она поворачивает голову в сторону озера, и ее взгляд становится жестче.

— Я делала все, чтобы род эридов выжил после того, что учинил Эзар, — произносит она уже тише. — После его амбиций, его уверенности, что он один знает, куда вести остальных, я собирала то, что осталось. Удерживала тех, кто был готов перегрызть друг другу горло от голода. Поднимала Луциор из того состояния, в котором он оказался. Не то что ты.

Последние слова она бросает почти небрежно. Не то что я. Значит, вот куда она ведет разговор. Не к власти даже. К праву осуждать мое отсутствие. Она хочет, чтобы я почувствовала себя чужой. Опоздавшей.

— И какого тебе живется рядом с людьми? Все еще нуждаешься в том, чтобы Сарен кормил тебя имфирионом? — спрашивает Кард с открытым удовольствием. Он опускает подбородок, разглядывая меня так, в ожидании, не дрогну ли я на этом вопросе. Конечно, ждет. Они оба прекрасно знают, куда бьют. В то, что должно унижать.

— Если ты хочешь меня задеть, у тебя не выйдет, — отвечаю спокойно. — И ты сам это знаешь.

— Он не собирался тебя задеть, — вмешивается Мирель. — Если тебе нужен имфирион, я готова дать тебе фриалы. У нас собралось немного запасов.

Ага, конечно. Станет она делиться. Только потом потребует с меня за такую щедрость столько, что я еще не раз вспомню этот ее ровный голос и это почти доброжелательное лицо.

— Ты жила слишком долго вдали от Луциора, Элария. Здесь многое изменилось, — продолжает она. — Мы больше не существуем так, как раньше. У нас есть ресурсы, есть запасы, есть способы поддерживать своих. И если тебе действительно что-то нужно, не вижу причины делать из этого унижение.

— Спасибо за предложение, — говорю я, глядя ей прямо в глаза и наклоняя голову в сторону, чтобы ветер не бил в лицо рыжими прядями. — Только я пришла не за подачками, Мирель. Я пришла за книгой.

— Книгой? — спрашивает она недоуменно.

— Не делай вид, что не знаешь, о чем я. Книга, которую мы нашли в пещере у западного хребта, с переплетом из бурой кожи. Эзар забрал ее у меня перед тем, как я ушла. Ты тогда постоянно крутилась возле него. Достаточно близко, чтобы знать о ней.

— Да, точно помню.

— Тогда скажи, не знаешь ли ты, где она, — говорю уже прямо. — Мне нужна эта книга.

Мирель переводит взгляд на Карда.

— Принеси ее. Ты знаешь, где она лежит.

Кард недовольно дергает плечом, будто его отрывают от занятия, которое могло бы увлечь его куда больше, чем роль посыльного, затем бросает на меня последний долгий взгляд, в котором сквозит что-то колкое и хищное, и, развернувшись, уходит вверх по улице быстрым шагом.

Я остаюсь с Мирель на дороге, ветер тянет за края плаща, и на мгновение кажется, что Луциор вокруг замирает, слушая, чем закончится этот разговор.

Именно в этот момент за моей спиной слышатся шаги. Из-за поворота выходит Ривен, стряхивая с плеч снег.

— Как твоя рана? Не беспокоит? — спрашивает Мирель, переводя взгляд с меня на него.

— Нормально, не беспокоит, — отвечает Ривен. — Только не рассчитывай, что я из-за этого начну тебе улыбаться и благодарить, у меня на это аллергия.

Мирель даже не меняется в лице, лишь сужает глаза, отмечая его слова как нечто незначительное, и не стоящее никакой реакции.

— Мне не нужна твоя благодарность, — говорит она почти безэмоционально, и ее взгляд становится внимательнее. — Меня интересует другое. Ты испытываешь что-нибудь необычное? Что-то, чего не было раньше.

Ривен молчит пару мгновений, глядя на нее с явным недоумением, потом морщит лоб, пытаясь понять, к чему она ведет, и делает это так открыто, что я почти слышу, как у Мирель натягивается последняя струна терпения.

— Необычного? — переспрашивает он с явным недоумением. — Это очень широкий вопрос. У меня после Элмора все необычное. Здесь холоднее, воздух суше, Кард по-прежнему смотрит так, словно прикидывает, с какой стороны меня удобнее резать, а ты встречаешь вопросами, от которых хочется не отвечать, а сразу искать подвох, — он наклоняет голову, и в голос снова возвращается знакомая насмешка. — Если ты о том, не начал ли я вдруг видеть будущее, слышать голоса предков или испытывать нежность ко всему живому, то нет, ничего такого со мной не случилось.

Он проводит языком по зубам.

— Может, что-то и есть, — добавляет он неохотно, — Не знаю.

Мирель смотрит на него несколько секунд молча, и в этой тишине ее спокойствие начинает трескаться.

— Ты серьезно сейчас отвечаешь мне не знаю? — ее голос становится резче. — Я влила в тебя объем имфириона, который убил бы любого другого, а ты даже не можешь сказать, изменилось ли что-то внутри тебя? Я спрашиваю не для того, чтобы слушать твои попытки казаться остроумным. После такого вмешательства могут быть последствия, и мне нужно понимать, насколько глубокие. Ты ощущаешь имфирион иначе. Быстрее устаешь. Сильнее чувствуешь голод. Теряешь контроль. Или мне нужно задавать вопросы как упрямому мальчишке?

Ривен щурится, и по тому, как у него меняется лицо, я понимаю, что последнее замечание попадает точно в цель, но отступить он, конечно, не собирается.

— А, вот теперь понятнее, — тянет он, склоняя голову, и в голосе снова появляется знакомая колючая насмешка. — Нет, контроль я не теряю. Не падаю в снег от слабости, не бросаюсь на прохожих, не плачу по ночам и не чувствую внезапного желания исповедаться тебе во всех грехах. Голода чуть больше, это да, но я и без твоих объяснений догадался, что после того, как ты залила в меня запас на пол-Луциора, во мне что-то будет вести себя не совсем обычно. Так что, если тебе нужен точный ответ, то вот он. Я жив, стою на ногах, никого пока не сожрал, и это, по-моему, отличный результат.

Мирель смотрит на него еще секунду, уже не скрывая раздражения, и в воздухе между ними повисает напряжение, но именно в этот миг возвращается Кард, и в его руке я сразу замечаю темный прямоугольник, завернутый в потертую ткань.

— Нашел, — произносит он, переводя взгляд с Мирель на меня. — Лежала там, где и должна была лежать. Не пылилась, не гнила, не развалилась, если это тебя вдруг беспокоило.

Я принимаю книгу из рук Карда, чувствуя под пальцами знакомую шероховатость переплета, и сразу прижимаю ее ближе к себе.

— Нам с Ривеном пора, — говорю я спокойно, и плотнее запахиваю плащ, защищая книгу от ветра. — Я возьму лошадь Эзара и мы уедем в Веларрон до темноты. Мне не хочется задерживаться здесь дольше, чем нужно, и думаю, всем от этого будет только легче.

Я уже делаю шаг в сторону старой дороги, по которой когда-то спускались к конюшням, но Мирель останавливает меня прежде, чем я успеваю уйти далеко.

— Подожди. Не туда.

Кард тихо хмыкает, и указывает рукой в противоположную сторону, туда, где раньше были склады и мастерские у нижней стены.

— Тех конюшен давно уже нет, — говорит он. — Их перенесли. Теперь конюшня в другой стороне, за северным проходом, ближе к внешней заставе. Если ищешь коня Эзара, то Грейхарна держат в крайнем стойле у дальней стены, отдельно от остальных, под навесом.

Я смотрю туда, куда он указывает, и внутри досадливо отзывается собственная глупость. Конечно. Конечно, я сглупила. За столько лет Луциор не мог остаться прежним, да и у Эзара уже давно должен быть другой конь, не тот вороной жеребец, которого я помню: резкий, нетерпеливый, с белой меткой у губы.

Я поправляю книгу под плащом, не давая этим мыслям задержаться на лице, и оборачиваюсь к Ривену.

— Пойдем, — говорю я. — Нам пора.

— Ты иди, Элария, — снова вмешивается Мирель. — А мне нужно переговорить с ним.

Во мне тут же поднимается подозрение. Я смотрю на Ривена, потом снова на Мирель, пытаюсь понять, что она задумала, но на ее лице все то же ровное спокойствие, за которым ничего нельзя прочесть.

Я могла бы потребовать говорить при мне. Могла бы прямо сказать, что это выглядит как попытка что-то узнать или влезть между нами. Но книга в моих руках тяжело напоминает, зачем я пришла сюда. Я еще на миг задерживаю взгляд на Ривене, мысленно предупреждая его быть осторожнее, потом коротко киваю и все же отворачиваюсь.

Дорога к новым конюшням оказывается мне незнакомой. Луциор подсовывает новые повороты, другие стены, новые проходы между домами. Я спускаюсь по северному проходу, где ветер становится резче и несет с гор запах снега, сырого камня и конского пота. Мысли сами возвращаются к тому, что осталось позади. Мирель не стала бы задерживать Ривена без причины. Она слишком расчетлива для пустых разговоров. Значит, ей что-то нужно. Понять, что с ним сделал влитый имфирион, и решить, можно ли использовать это дальше.

Мне не нравится, что я оставила его там, даже понимая, что Ривен не тот, кого легко загнать в угол. Он упрямый, резкий, выводит из себя почти каждого, кто пытается им командовать, и именно поэтому тревога не уходит. С такими, как Мирель, опаснее всего не открытая угроза, а спокойствие, за которым она прячет свои намерения.

Наконец, из-за низкой каменной стены показываются новые конюшни. Они шире прежних, ниже, грубее, с длинным навесом и закрытым двором, куда ветер задувает меньше снега. Я нахожу крайнее стойло у дальней стены. Грейхарн стоит под навесом отдельно от остальных, огромный, темный, с тяжелой шеей и черной гривой, в которой кое-где уже серебрится возраст.

— Имя у тебя слишком сложное, — говорю, качая головой, и тянусь к сбруе, висящей рядом на крюке. — Я буду звать тебя Греем. Так проще, а мне сейчас не до высоких интонаций и любви моего брата к громким названиям.

Он только шевелит ухом, принимая это без всякого протеста, а я начинаю неторопливо снимать упряжь с деревянной перекладки, расправляя ремни и проверяя пряжки. Работа успокаивает. Всегда успокаивала. Особенно теперь, когда мысли снова начинают ходить кругами вокруг того, чего уже не изменить. Эзар и в этом остался верен себе. Он всегда создавал вокруг себя возвышенность, потому что простое было для него унижительным. В его мироощущении даже коня нельзя было назвать просто конем, а нужно было обязательно вложить в имя тяжесть, древний отзвук, и намек на силу. Даже в этом он не изменился.

Я затягиваю ремень, поправляю подпругу, разглаживаю ладонью темную шерсть у плеча, и в этот момент за спиной раздаются шаги, уже знакомые мне настолько, что я не вздрагиваю.

Ривен входит в конюшню, пригибая голову под низкой балкой, и в руке у него тяжелая сумка, изнутри которой что-то негромко звякает при каждом шаге. Он выглядит уставшим, но держится все так же ровно, словно никакого отдельного разговора с Мирель вовсе не было.

Я оборачиваюсь, задерживая взгляд на сумке.

— Что там у тебя? — спрашиваю, и он подбрасывает ее в руке чуть выше, словно нарочно давая услышать звон.

— Фриалы. Мирель дала с собой. Сказала, сейчас время тяжелое, запасы лишними не будут, особенно если тащиться в такую даль без остановки.

Я смотрю на него несколько секунд, потом на сумку, потом снова на него, и удивление выходит само, без всякого желания его скрывать.

— Мирель дала с собой фриалы. Какая неожиданная забота.

Ривен пожимает плечом, уже без прежней колкости, будто сам не видит здесь ничего удивительного или, наоборот, не хочет показывать, что видит слишком много.

— Время сейчас правда тяжелое, — говорит он, прислоняясь плечом к столбу у стойла. — Она это и сказала. Может, просто решила, что выгоднее отпустить нас сытыми, чем потом искать по дороге два высохших тела и книгу в придачу.

— Но это же Мирель, — произношу я, затягивая ремень сильнее, чем нужно, и только потом ослабляя пальцы. — Хотя

Я не договариваю это вслух, но неприятная мысль уже складывается сама. Дело, возможно, вовсе не в ее щедрости и не в тяжелом времени. Дело в Ривене. Сначала она вытаскивает его после раны, вливая столько имфириона, что он до сих пор злится при одном упоминании этого. Потом отдельно расспрашивает о самочувствии. Потом отпускает с запасом фриалов, явно рассчитывая, чтобы он доехал без истощения и без лишнего риска.

Мирель ничего не делает просто так. Никогда.

Ривен, не замечая хода моих мыслей или делая вид, что не замечает, кивает в сторону прохода.

— Я еще и коня обменял, — говорит он. — Мне сказали, тут можно забрать Селининого. Мой после пути из Элмора еле дышит, да и тебе нужно срочно в Веларрон, так что лучше не тянуть обозом на одной замученной кляче. Возьму ее коня, а своего оставлю здесь, пусть отходит.

Он говорит это спокойно, но под конец все же отводит взгляд в сторону, мимо меня, туда, где за строениями лежит озеро. И я вдруг понимаю, что дело не только в дороге и не только в усталости его коня.

Наверное, он скучает по ней.

Настолько, насколько эрид вообще способен скучать, если у нас есть право на такое слово. Я никогда не спрашивала его о Селине. Не лезла туда, куда он сам не пускал. Я лишь слышала, как он говорил о ней в коротких паузах между переходами, и каждый раз это выходило будто само собой, словно он не замечал, что снова возвращается к ней. Но о Селине Ривен говорил чаще, чем об Эзаре. Намного чаще.

Ривен отталкивается плечом от столба и уходит в соседний ряд стойл, где слышится короткий перестук копыт и негромкое фырканье, а я заканчиваю с подпругой, еще раз проверяя ремни скорее для себя, чем по необходимости. Через несколько мгновений он возвращается, ведя за повод второго коня. Жеребец у него серый, стальной масти, с темной гривой и настороженными умными глазами, сухой, быстрый на вид, с той особенной собранностью во всем теле, которая бывает у животных, долго носивших одну и ту же всадницу и не слишком готовых мириться с заменой.

— Его зовут Ветер, — говорит Ривен, останавливаясь рядом и коротко дергая повод, когда жеребец пытается отвернуть голову. — И если честно, он меня никогда не любил. Ни разу. — Он тихо усмехается, проводя ладонью по серой шее. — Но, видимо, здесь уже заскучал. Или просто решил, что я меньшее зло, чем снова стоять в стойле и ждать ту, кто уже не придет.

Я смотрю, как Ветер косится на него темным глазом, но не шарахается и не прижимает уши, только тяжело выдыхает, терпя его руку на своей шее. Ривен быстро затягивает подпругу, проверяет стремяна, двигается осторожнее, чем с любым другим, понимая, что касается чего-то, что осталось от Селины.

Мы выезжаем из Луциора уже без лишнего внимания. Грей идет ровно и уверенно по знакомой дороге, Ветер держится сбоку, то вырываясь вперед, то снова замедляясь. Некоторое время мы едем молча, слушая только скрип кожи, хруст подков по мерзлой земле и редкое фырканье коней, которым этот подъем дается легче, чем мне мои собственные мысли.

— И все-таки, — говорю я, не глядя на Ривена, а следя за узкой тропой между темными деревьями, где копыта то и дело соскальзывают по влажному мху, — о чем Мирель хотела с тобой поговорить?

Ривен коротко хмыкает, не выказывая ни капли удивления, заранее ожидая, что я вернусь к нему с этим вопросом, и одной рукой натягивает поводья, удерживая Ветра, который, недовольно шевельнув ушами, пытается обойти низко нависшую ветку не там, где нужно.

— Да ни о чем таком, из-за чего стоило бы так хмуриться, — отвечает он с той ленивой легкостью, которая у него появляется именно тогда, когда он либо говорит правду не до конца, либо просто развлекается моим недоверием. — Снова спрашивала про самочувствие, про голод, про то, не чувствую ли я чего-нибудь нового после ее щедрости. Надеюсь, что я сообщу ей что-нибудь очень полезное и желательно тревожное. Я ее разочаровал. Это, кажется, испортило ей настроение, а мне, наоборот, немного подняло.

— И ты, разумеется, отвечал так, чтобы она захотела столкнуть тебя в озеро сразу, а не откладывала это до более удобного момента?

— Я был удивительно вежлив, — произносит он так спокойно, что я все же поворачиваюсь к нему. — Даже ни разу не назвал ее тем, чем собирался. Так что, по-моему, я заслуживаю похвалы, а не упреков.

Я качаю головой, и, против воли, на губах появляется слабая улыбка. С ним это происходит постоянно. Ривен раздражает, упрямится, говорит не к месту, цепляется к словам без причины. Но именно из-за этого мы не застреваем в неловком молчании в дороге.

— Не обольщайся, — говорю я. — Похвалы от меня ты не дождешься.

— Жаль. Я уже почти начал жить ради этого.

Я только фыркаю себе под нос и снова смотрю вперед. Лес вокруг стал гуще, и снега здесь уже нет, а под копытами теперь влажная трава, местами затянутая мхом. Только я невольно задумываюсь о том, как именно мы вообще попадем в Веларрон, как в следующую секунду Ривен резко натягивает поводья.

— Что такое? — спрашиваю я, останавливая Грея и уже всматриваясь между темных стволов.

Ривен молча шурится, глядя правее тропы, туда, где между двумя упавшими деревьями тянется полоска прошлогодней травы.

— Вон, смотри, — говорит он, вскидывая руку.

Я перевожу взгляд туда, куда он показывает, сначала замечая только корни, мокрые камни и темную землю. Потом вижу тонкую петлю, едва скрытую в жухлой траве, и натянутую жилу, уходящую в сторону под низкий куст.

— Ловушка, — выдыхаю я, и по спине сразу проходит холодок. — Наверное, Кард поставил. Скорее всего, на какого-нибудь оленя.

Ривен переводит на меня взгляд, и на мгновение на его лице появляется выражение, с которым он обычно реагирует на глупые слова, которые я порой выдаю.

— Это не на оленя ловушка. На эридов.

— Или на людей. Что уж сразу на эридов. — отзываюсь я сухо, вскидывая бровь.

Он тихо усмехается, но в глазах у него насмешки меньше, чем настороженности.

— С чего бы на людей, Элария. Где тут логика. Это люди после войны решили истребить нас до последнего, а не наоборот. На оленя тут слишком злая работа, на человека слишком тонкая, а вот на эрида в самый раз.

Я больше не спорю, хотя внутри неприятно царапает мысль, что кто-то ставит в лесу ловушки именно на таких, как мы. Мы осторожно обходим опасное место по дуге, внимательно глядя под ноги, и когда наконец возвращаемся на тропу с другой стороны, мне легче не становится. Если здесь была одна ловушка, значит могут быть и вторая, и третья, а следующую мы вполне способны пропустить, если она не выдаст себя так явно.

— Дальше идем внимательнее, — бросает Ривен.

Я едва успеваю кивнуть, когда сверху что-то срывается прямо на нас, ударяется о землю и в то же мгновение из этого нечто начинает валить густой серый дым. Лошади взвывают от ужаса, шарахаются в сторону, и я, не успев перехватить повод как следует, слетаю на землю, больно ударяясь боком и плечом о корни деревьев.

Мир на миг сжимается до глухого звона в голове, и я еще даже не успеваю толком понять, что происходит, когда чьи-то пальцы уже вцепляются мне в запястье. Ривен, уже слетевший со своего коня, волоком дергает меня, оттаскивая в сторону с такой силой, что я скользя по мокрой траве и камням, задыхаясь от резкого движения.

— Не дыши. Это артерра, — бросает он, даже не оборачиваясь ко мне, потому что все его внимание уже приковано к дыму.

Я не знаю, что такое артерра, никогда не слышала этого слова раньше, но мне хватает одного вдоха, чтобы понять, что этот дым что-то делает с имфирионом внутри меня. Меня захлестывает паника, когда я начинаю чувствовать, как изнутри слишком быстро поднимается знакомый холод и иней начинает проступать на кончиках пальцев.

Ривен рывком тянет меня дальше, закрывая собой от ползущего по земле дыма, и я вижу, как он сам морщится, сжимая скулы.

— В сторону, — бросает он коротко, не выпуская моей руки. — Ниже голову. И не вздумай вдыхать.

Я киваю, хотя он, кажется, этого даже не видит, и мы отползаем в сторону, подальше от густого серого облака, которое стелется по тропе.

Когда дым остается позади, я со стоном приподнимаюсь на локтях. Левое плечо ноет и тянет, а ладони жгут от содранной кожи.

— Жива? — спрашивает Ривен, подавая мне руку и помогая подняться.

— К сожалению.

— Хорошо. Значит, можно не тащить тебя на себе. Лошадей у нас больше нет.

Я хмыкаю, но именно в этот момент замечаю мужчину, стоящего в стороне, шагах в двадцати от нас. Он держит лук с натянутой тетивой, и наконечник стрелы смотрит прямо на нас.

Я задерживаю взгляд на нем, разглядывая выгоревшие волосы до плеч, выбившиеся из-под капюшона, и жесткие обветренные черты лица. На нем старая кожаная броня, потемневшая от времени и дождя, плащ по краям изорван и изношен, и вся его фигура говорит слишком ясно, что перед нами не крестьянин с луком и не случайный человек из леса, а тот, кто умеет выслеживать и убивать. До меня сразу доходит, что ловушку поставил именно он. Наверняка сидел где-то рядом и ждал, когда мы в нее попадем. Когда это не вышло, пустил тот проклятый дым, надеясь, что мы замерзнем раньше, чем выберемся. Но и это не сработало. Теперь он просто стоит с луком в руках и решает, кого из нас убить первым.

— Если я скажу тебе бежать, ты побежишь? — обращается ко мне Ривен, не сводя глаз с натянутой тетивы, и я вижу, как его лицо становится жестче, собираясь в ту холодную сосредоточенность, которая всегда появляется у него за миг до драки.

Я смотрю на него всего секунду, чувствуя, как внутри все еще гуляет остаточный холод от дыма, как ноет плечо, как дрожат пальцы, и все равно отвечаю сразу, даже не пытаясь сделать вид, что думаю.

— Нет.

Уголок его рта дергается в каком-то мрачном подобии усмешки.

— Тогда стой и жди в стороне. Не дергайся резко. Он, похоже, не совсем в себе.

Ривен медленно поднимает руки, раскрывая ладони, и делает полшага вперед, не настолько, чтобы это выглядело вызовом, но и не настолько покорно, чтобы походить на страх, и в этом одном движении уже есть что-то раздражающее и издевательское, как он умеет.

— Ну что, человек, так и будем стоять, как два оскорбленных пня, или ты все-таки скажешь, за что именно так невзлюбил наш прелестный утренний выезд. Я хочу знать хотя бы, за что нас так старались угробить. Люблю, когда в убийстве есть идея. Иначе как-то обидно.

Наконечник стрелы тут же поднимается выше, точно в его грудь.

— Ты эрид, — наконец подает хриплый голос незнакомец

— Какая поразительная наблюдательность, — мягко отвечает Ривен, делая легкий шаг в сторону от меня. — А я уж надеялся, что за последние пару часов в этом лесу начал походить на местного лесника.

Тетива в руках человека едва слышно скрипит, натягиваясь еще сильнее.

— Мне не нужно приглядываться. Я узнаю вас сразу.

Он на секунду смещает прицел, и наконечник стрелы теперь смотрит прямо на меня.

— И эта девка тоже эрид, — добавляет он с той же сухой уверенностью. — Думала, сможешь скрыть свою демоническую суть, сменив цвет волос?

У меня внутри все резко сжимается, но Ривен только немного поворачивает голову, и на его лице появляется знакомая ленивая усмешка, за которой я уже замечаю, что он уже что-то придумал и весь этот разговор он затеял, чтобы отвлечь, а не чтобы поиздеваться.

— Ну, во-первых, прическа ей идет, — мягко отвечает он, осторожно перенося вес на левую ногу и отступая вбок, словно просто выбирая место поудобнее на скользкой земле. — Во-вторых, называть демонической сутью девушку — это, как у вас людей говорят, не по-мужски.

— Заткнись, эрид, — цедит охотник, раздраженно ведя луком, следуя за его смещением, и не желая выпускать Ривена из центра прицела, делает едва заметный шаг в сторону. И только теперь я замечаю рядом с его сапогом короткий холодный блеск. Сначала он кажется просто отблеском солнца на мокрой ветке, но потом я различаю железо. Край капкана, полускрытого мхом и прошлогодней листвой. Зубчатый, тяжелый, поставленный на зверя. Это точно работа Карда. И в ту же секунду я понимаю, что Ривен тоже заметил его раньше меня и потому продолжает говорить с этим мужчиной, сдвигая того левее.

— Вот это уже похоже на живой разговор. — Ривен разводит руками шире, как бы показывая, что пока еще никого не режет и вообще старается вести себя прилично, а потом снова отходит на шаг. — А то я начал бояться, что у тебя кроме слова эрид больше в запасе ничего и нет. Было бы обидно погибать от такого скудного словаря.

— Ты слишком много говоришь.

— Это потому что ты слишком мало. А молчаливые люди, как правило, либо очень умны, либо очень скучны. Я пока не решил, кто ты.

Ривен, делает еще один неторопливый шаг в сторону. Я замираю, боясь даже вдохнуть слишком шумно, потому что теперь охотник еще ближе к скрытому капкану, но пока не там, пока только на краю, и Ривен, похоже, понимает это так же ясно, как я.

— Ты думаешь, я вас не видел раньше, — хрипло произносит незнакомец. — Думаешь, если волосы убрать, одежду сменить, то станете людьми? Нет. Вас всегда видно.

— Какая беда, — спокойно отзывается Ривен, делая еще одно движение. — А я-то надеялся, что мои манеры уже достаточно ужасны, чтобы сойти за человека.

Лицо охотника дергается, и он делает резкий шаг вперед, уже не такой осторожный, потому что слова Ривена наконец задевают его сильнее, чем собственная осмотрительность.

— И знаешь, что особенно забавно, — продолжает Ривен, слегка склоняя голову и не отводя от него взгляда. — Если бы ты и правда хотел нас убить, ты бы уже сделал это. Еще там, у тропы. Или в дыму. Или когда мы валялись на земле, приходя в себя. А раз ты до сих пор только стоишь и целишься, вывод напрашивается простой. Либо мы зачем-то нужны тебе живыми, либо ты просто трус, которому легче травить и загонять, чем добывать.

На последнем слове у охотника меняется лицо так резко, будто Ривен ударил его ладонью. Он вспыхивает мгновенно, вся эта его мертвая выдержка срывается, и, стиснув зубы, он рвется вперед на один злой шаг, забыв про осторожность, и в ту же секунду лес разрезает сухой металлический щелчок.

Капкан смыкается на его ноге. Охотник хрипло вскрикивает, больше от ярости, чем от боли, стрела срывается с тетивы, чиркает Ривена по руке, срезав ткань и, кажется, задев кожу, но он даже не оборачивается на это, только резко вскидывает мне руку.

— Бежим.

Его пальцы вцепляются в мое запястье, и в следующую секунду он уже тянет меня за собой, прочь, между деревьями, пока позади раздается яростный шум, лязг железа и хриплое ругательство.

Мы несемся по лесу, ничего не разбирая перед собой, выбирая путь на ходу. Позади еще какое-то время слышится глухой шум, потом он проваливается в лесную сырость, и от этого легче не становится, наоборот, тишина кажется опаснее, потому что в ней уже может скрываться погоня.

Внезапно деревья перед нами редеют, земля уходит вниз, и мы вылетаем к склону. Не совсем обрыв, но достаточно высокий и крутой, чтобы я сразу поняла, что на ногах по нему быстро не спуститься. Ривен замирает так резко, что я влетаю ему в плечо, и, подняв на него взгляд, вижу на его лице то, чего почти никогда не вижу — короткий, чистый испуг, тот самый, что мелькает в нем всякий раз, когда под ногами исчезает твердая земля.

Я вспоминаю о том падении, после которого в нем поселился страх перед резким спуском вниз, и я понимаю, что если сейчас остановиться, если дать ему застыть, охотник нас догонит.

— Если скатимся, — выдыхаю я, с трудом переводя дыхание и крепче сжимая его руку, — у нас будет время скрыться внизу. Ривен, смотри на меня. Не вниз. На меня. Просто вместе.

Он ничего не отвечает, только тяжело сглатывает, глядя на склон так, будто там ждет не мокрая земля, а раскрытая пасть. Потом он резко выдыхает сквозь зубы, коротко кивает и сжимает мою ладонь в ответ так сильно, что мне больно.

— Ненавижу тебя за хорошие идеи, — бросает он хрипло. — Поехали.

Мы одновременно опускаемся ниже, и земля тут же уходит из-под ног. Сначала это похоже на неловкий шаг, потом на падение, а через мгновение мы уже катимся вниз, соскальзывая по рыхлой земле. Ривен срывает ладонью пласт влажной земли, пытаюсь замедлить нас, и мы все равно продолжаем скатываться, то переворачиваясь, то снова съезжая боком, пока склон наконец не выплевывает нас внизу, в густые заросли орешника и молодого ельника.

Несколько секунд я просто лежу, хватая воздух ртом и чувствуя, как все тело гудит от ударов, но Ривен сразу поднимается, грязный, с землей в волосах и разодранным рукавом, и опять тянет меня за собой, уже без слов. Мы ныряем под низкие ветви, продираемся через сырой кустарник, сбиваем ногами листву и уходим все глубже между стволами, туда, где склон уже скрывает нас сверху и лес снова становится плотным.

Мы наконец замедляемся, переходя с бега на быстрый шаг, потом на хриплую, сбивчивую ходьбу, и я, все еще не отпуская его руки, ловлю себя на том, что прислушиваюсь к лесу позади, ожидая в любой момент услышать треск веток, шаги, свист стрелы, но там пока только тишина.

— В любом случае, — выдыхаю я, с трудом переводя дыхание и стирая грязь с губ тыльной стороной ладони, — он теперь нас так быстро не нагонит. Капкан его задержит, даже если он выберется сразу, идти быстро он уже не сможет.

Ривен тихо хмыкает, проводя ладонью по волосам, и оставляя на виске новую полосу грязи.

— Его этим не остановишь. Задержит — да. Но не остановит. У него, по глазам видно. Такой будет идти, пока не догонит или не сдохнет по дороге.

Я коротко киваю, хотя он этого не видит, и все же позволяю себе на секунду закрыть глаза, ощущая, как внутри наконец понемногу уходит холод от дыма, как имфирион возвращается слабым, но узнаваемым теплом.

— Значит, у нас есть немного времени.

— Немного — это уже роскошь, — отвечает он, и в голосе его впервые за все это время появляется облегчение. — Постараемся не тратить его зря.

Глава 3

Теоден

Поздняя осень вцепляется в камень замка. Воздух колкий и сухой, с горьким привкусом дыма, мокрой соломы и хвои, которую тащат на площадь перед замком для украшений. Над арками тянут алые и белые ленты, слуги носятся с корзинами, девчонки из прачечной смеются, придерживая в руках ворохи ткани, плотники ставят помост у лестницы. Кто-то ругается из-за криво прибитого щита, и от всей этой суеты у меня должно бы становиться легче, потому что замок живет, замок готовится не к похоронам и не к войне, а к свадьбе. К моей свадьбе.

Только у меня внутри нет ни праздника, ни радости, а есть одно вязкое ощущение, будто мне на плечи накинули цепь. Солнце бьет в глаза, заставляя шуриться, и я поправляю корону, которая опять сползает на лоб, напоминая, кто я теперь. Этот золотой обруч с алыми камнями жжет виски, и я сжимаю кулаки, чтобы не сорвать его к чертовой матери.

Эрис касается моей руки, поправляя рукав камзола. Она что-то говорит, и ее голос мягкий, как всегда, когда пытается меня подбодрить, но ее слова скользят мимо. Я киваю, глядя, как она жестикулирует, указывая на флаги, что развешивают на башнях, и ее золотой браслет на запястье поблескивает на солнце.

— ...а здесь поставим столы для гостей из Долкара, — доносится до меня обрывок ее фразы, и она улыбается, наклоня голову, ожидая ответа.

Я смотрю, как над входом в главный зал поднимают венки из плюща и белых лент, и думаю вовсе не о том, как это будет смотреться в день обряда, а о том, что к вечеру Валден снова принесет свитки, что в казне дыра после ремонта северной башни, что старосты из двух деревень опять прислали жалобы друг на друга, что из Арвалиса приходят все хуже вести и там уже бушует Воронья хворь, расплзаясь по улицам, и каждая такая мысль цепляется за следующую, как звенья одной длинной дрянной цепи, которую невозможно ни разорвать, ни сбросить.

Плечи тяжелеют от этой ноши, камзол с золотой вышивкой жмет в груди, который шит для другого человека, для Каина, который носил его легко, не морщась.

— Тео, ты меня слышишь? — Эрис толкает меня локтем, ее брови сдвигаются, и она скрещивает руки, глядя с той смесью заботы и раздражения, что всегда меня разоружает.

Я вздыхаю, поворачиваясь к ней, заставляя себя улыбнуться.

— Конечно, слышу. Столы для гостей из Долкара, флаги, все как надо. Ты молодец, Эрис, без тебя эта свадьба была бы сплошным хаосом. Но ты не думаешь, что стоило бы отложить ее до весны?

Она замирает на мгновение, не сразу понимая серьезно ли я это говорю.

— До весны? — удивляется она. — Мы уже откладывали ее после коронации, потому что ты полгода разбирался с присягами и гарнизонами, потом из-за северной башни, потому что туда ушли все деньги и люди, потом из-за болезни в Арвалисе, потом потому что Совет решил, что сейчас не время для праздников, а потом потому что ты сам сказал, что сначала нужно разобраться с делами, как будто у тебя когда-нибудь будет день без этих дел. Если мы отложим ее еще раз, Теоден, она просто никогда не случится, потому что всегда найдется новая причина, и новая проблема, которая окажется важнее.

Я провожу рукой по затылку, и снова смотрю на двор, на людей, на всю эту жизнь, которая кипит у меня под носом.

— Ты, конечно, права, — говорю я, криво усмехаясь. — Если ждать, пока у меня станет спокойно, то, наверное, проще сразу отменить все и объявить, что король женится только после собственной смерти. Я просто — я замолкаю на секунду, подбирая слова, — смотрю на все

это и думаю, что ты готовишься к свадьбе, а у меня в голове только цифры, жалобы и эти проклятые свитки.

Эрис мягко сжимает мои пальцы, заглядывая мне в лицо, пытаюсь удержать мой взгляд на себе, а не на башнях, свитках и всей королевской дряни сразу.

— Ты справишься, Тео, — произносит она мягко. — Всегда справлялся. Помнишь, как в бою у стен? Ты не дрогнул. А это... это просто бумажки и разговоры.

Я фыркаю, отводя взгляд, и раздражение, которое я пытался держать внутри, все-таки вырывается наружу.

— Бумажки? — я качаю головой. — Это бремя, Эрис. Каин оставил мне трон, а я даже не хотел его. Шучу иногда сам с собой — мол, это он нарочно подстроил, чтобы я мучился вместо него. Прихожу в склеп, сажусь у его гробницы и говорю: "Спасибо, брат, удружил. Теперь я король, а ты отдыхаешь". Все валится без него. Он бы знал, как все это провернуть, не моргнув глазом.

Я открываю рот, собираюсь сказать что-то еще, но в этот момент замечаю отца, идущего через двор быстрым ровным шагом, будто вокруг тянутся не свадебные ленты и не смеются служанки, а стоит утреннее построение перед выездом. Раньше он был другим, слишком мягким для человека своего положения, внимательным, заботливым, вечно пытающимся сгладить острые углы, поговорить спокойно, поддержать, отвести удар от меня, если мог. После смерти Каина в нем будто что-то переломилось. Заботливый отец исчез, уступив место человеку, решившему любой ценой дотащить меня до трона и удержать на нем.

— Ты опять задерживаешься, — говорит он без лишних вступлений, останавливаясь рядом. — Валден ждет тебя в зале Совета, у него отчеты по гарнизонам, поставкам и западным поселениям, и, судя по его настроению, он не собирается долго ждать. Тебе нужно идти, Тео-ден, а не стоять здесь, пока все остальные делают свою работу.

Я закатываю глаза, не скрывая раздражения, и на секунду даже хочется сказать, что пусть Валден подождет, что у меня есть дела поважнее, чем слушать его бесконечные списки, но я уже знаю, чем это закончится.

— Конечно, — говорю я, скривившись. — Как же без этого. А то я уже начал забывать, что у меня есть Совет, спасибо, что напомнил.

Я делаю шаг, собираюсь идти за ним, но не успеваю, потому что в меня врзается кто-то из служанок. Девушка хватается за мой рукав, едва удерживаясь на ногах, и я замечаю, что она вся в слезах.

— Прошу вас, помогите, — слова вырываются у нее с трудом, она задыхается, пытаясь говорить быстрее. — Мой отец он вчера ушел в Запредельный лес, за ягодами, и не вернулся.

Вторые сутки его нет, никто его не видел, я всех спрашивала пожалуйста, найдите его, он не мог просто пропасть, там что-то случилось.

— Спокойно, — говорю я, удерживая ее за плечи. — Мы его найдем. В какую сторону он ушел? Кто видел его последним? Расскажешь, и мы сразу начнем поиски.

— Теоден, — голос отца становится жестче. — Ты не можешь принимать такие решения на ходу. Это дело Совета, нужно разобраться, оценить риски, отправить людей по приказу, а не по первому же крику.

Я медленно поворачиваюсь к нему, чувствуя, как внутри поднимается знакомое упрямство.

— Пока Совет будет оценивать риски, человек может умереть, — отвечаю я спокойно, но твердо. — Я не собираюсь ждать, пока кто-то решит, стоит ли его искать.

Я оглядываюсь, замечаю стражника у стены и жестом подзываю его.

— Собери отряд, — говорю коротко. — Восемь человек, факелы, веревки, плащи. Через пару часов выдвигаемся.

Отец смотрит на меня пристально, и я уже знаю, что сейчас услышу.

— Только не говори, что ты собираешься идти с ними, чтобы искать обычного человека, — произносит он, прищурившись.

— Обычного? — повторяю я. — Для тебя он обычный. Для нее — отец. И если я король, то, наверное, должен быть королем не только для тех, у кого есть титулы.

Я делаю шаг к стражнику, уже не сомневаясь ни секунды.

— Я иду с ними. И это не обсуждается.

Я даже не оглядываюсь, когда разворачиваюсь и иду прочь от них, от отца, от Эрис, от всего этого шума, лент и голосов, потому что если остановлюсь хоть на секунду, меня снова затянут обратно в разговоры, в разумные доводы, в ты должен, так нельзя, подожди решения, и я уже знаю, что не хочу сейчас слышать ни одного из этих слов.

— Тео, ты куда? — доносится за спиной встревоженный голос Эрис.

— Скоро вернусь, — бросаю через плечо, не давая ни объяснений, ни времени на вопросы, и слышу, как отец что-то резко отвечает ей, но дальше уже не разбираю слов, потому что ухожу быстрее, пересекаю двор, сворачиваю в боковую галерею, где тише, холоднее и почти пусто.

Я знаю, куда иду, даже не думая об этом, просто потому что ноги сами ведут меня туда, где мне уже не раз становилось легче, пусть и ненадолго.

Склеп встречает меня тишиной, такой плотной, что она ложится на плечи не хуже королевской мантии. Высокий купол поднимается над головой, и сквозь узкие прорезы в камне пробивается холодный свет, падая на белоснежные нивелии, которые оплетают своды, как живое покрывало. Их лепестки матовые, не отражают свет, и от этого все вокруг кажется приглушенным, словно мир здесь чуть тише, чем снаружи. Закрытые гробы стоят вдоль стен, с выгравированными именами и каменными крышками, под которыми лежат те, кто когда-то держал это государство на своих плечах. Но один — не такой.

Я иду прямо к центру, туда, где под самым куполом стоит открытый гроб, и даже сейчас, спустя время, я все еще чувствую, как внутри что-то сжимается, когда взгляд на него падает.

Каин лежит так, будто просто уснул.

Ни следа тления, ни серости. Лицо спокойное, черты остались такими же, как я помню, волосы лежат аккуратно, кожа не потемнела и совсем не изменилась. Время просто обошло его стороной, решив не трогать. Приходится каждый раз объяснять слугам, стражникам и любопытным, которым случается заглянуть сюда, что это всего лишь работа королевских алхимиков, придумавших какой-то состав для сохранения тела после смерти. Люди верят в такое объяснение, и мне это только на руку.

Я останавливаюсь рядом, опираясь ладонями на холодный камень, и криво усмехаюсь, глядя на него сверху вниз.

— Вот скажи, ты специально это сделал? Взял и оставил меня с этим всем, а сам лежишь тут, как будто тебя вообще ничего не касается. Хорошо устроился, надо признать. Ни тебе Совета, ни Валдена, ни этих бесконечных решений, от которых у меня уже голова трещит.

Я замолкаю на миг, проводя рукой по краю гроба.

— Я тут стою, пытаюсь не облажаться каждый день, — продолжаю, уже тише. — Пытаюсь быть тем, кем ты был, хотя сам прекрасно знаю, что не дотягиваю. И иногда думаю, что ты бы посмотрел на меня сейчас и только усмехнулся, а потом сказал бы, что я опять ною и трачу время не на то, на что должен.

В этот момент, где-то сбоку слышится едва заметное шуршание, настолько тихое, что сначала я думаю, что мне показалось, но потом оно повторяется, и я резко оборачиваюсь.

За гробом из тени нивелий выходит Велла, растрепанная сильнее обычного. Ее светло-каштановые волосы выбились из двух кос и липнут к вискам тонкими прядями. На бледном лице с россыпью веснушек ярко выделяются зеленые глаза, слишком внимательные для человека, которого я меньше всего хочу сейчас здесь видеть. Даже в дорогом темно-зеленом платье она выглядит не нарядной леди, а упрямой тенью склепа, которая опять забралась туда, куда не следовало.

— Опять ты здесь, Велла, — вырывается резко. — У меня начинает складываться впечатление, что ты проводишь у его гроба больше времени, чем в собственном доме.

— Я пришла сменить цветы, — отвечает она без тени смущения и без попытки оправдаться.

Я сжимаю челюсть, глядя на нее, и раздражение поднимается сразу, без всякого перехода.

— Для этого есть слуги, — говорю резче, чем хотел. — Им и поручено следить за порядком, менять цветы и все остальное.

— Они приносят розы. А он любил фиолетовые ирисы.

Я бросаю взгляд вниз и вижу, что у основания саркофага аккуратно разложены фиолетовые ирисы, с темными прожилками на лепестках. Эти цветы распускаются весной, и в королевских садах их еще нет, значит, она снова вырастила их в своей теплице, чтобы принести сюда.

— Велла, достаточно, — произношу я, не повышая голос. — Я бы, может, и слова не сказал, если бы ты приходила сюда раз в неделю, в день памяти, по особому случаю, если тебе это так нужно, но ты приходишь каждый день. Возможно, и не один раз в день. И это уже начинает напрягать. Я прихожу сюда и почти всегда знаю, что либо увижу тебя здесь, либо найду следы того, что ты только что ушла, будто это не королевский склеп, а твоя собственная часовня.

— А ты сюда приходишь не реже, — отвечает она тихо, но без малейшей робости. — Иногда тоже каждый день.

Я сразу качаю головой.

— Это другое.

— Другое? — она щурится, и в голосе проскальзывает едва заметная колкость. — Другое потому, что у тебя на голове корона, а у меня нет? Или другое потому, что тебе позволено скучать, а мне нет? Ему можно быть твоей потерей, а моей уже нельзя, потому что это выглядит неуместно для тех, кто смотрит со стороны?

Я открываю рот, чтобы ответить, и вдруг ловлю себя на том, что не сразу нахожу слова.

Почему я сюда прихожу?

Может потому, что рядом с ним мне иногда не так стыдно за то, что я жив, а он нет. Потому, что здесь можно хотя бы на время перестать притворяться уверенным. Потому, что среди мертвых от меня никто не требует быть королем.

Я провожу рукой по лицу, отгоняя эту мысль, и возвращаю взгляд к ней.

— Велла — начинаю, уже жестче. — Тебе здесь не место. И я не собираюсь каждый раз закрывать на это глаза только потому, что ты дочь главного королевского архивариуса и привыкла считать, что тебе позволено больше, чем остальным. Не приходи сюда больше. Если я еще раз увижу тебя здесь без разрешения, я прикажу страже вообще не впускать тебя во двор, и поверь, в этот раз не будет никакого снисхождения.

— Значит, просто дочь архивариуса? Теперь только так?

— А как еще, Велла? Не надо сейчас снова лгать себе, что между тобой и Каином что-то могло бы быть. Это было давно, вы расстались, все закончилось, и ничего из этого не осталось, кроме того, что ты сама продолжаешь таскать сюда каждый день. Забудь его наконец и не преследуй даже после смерти, оставь его в покое.

Я на секунду запинаясь внутри себя, слышу, как собственные слова звучат слишком грубо и прямо, и это ощущение неприятно цепляет, заставляя на мгновение задуматься, не перегнул ли я. Но почти сразу же отталкиваю эту мысль, потому что передо мной не случайная девчонка, не служанка, не кто-то, кто впервые оказался в этом месте, а Велла. Та самая Велла, которая не отходила от Каина, даже когда им уже давно нечего было друг другу сказать. Та самая Велла, которая после их разрыва преследовала его, не отпуская.

Десять лет.

Десять лет, за которые можно было вырасти, измениться, забыть, начать новую жизнь, перестать возвращаться к тому, что уже закончилось. А она все так же здесь, все так же с ним, даже теперь, когда он лежит перед нами, неподвижный, холодный, но почему-то не тронутый временем.

Я уже собираюсь отвернуться, чтобы закончить разговор окончательно, когда вдруг замечаю, что она все это время держит руки за спиной.

Не просто так.

Слишком напряженно, будто боится, что я увижу.

Я прищуриваюсь, задерживая на этом взгляд чуть дольше, чем нужно.

— Что у тебя там? — спрашиваю, уже без прежней резкости, но с той внимательностью, которая появляется сама собой, когда что-то не складывается.

Она дергается, не ожидая, что я это увижу, и на мгновение в ее лице проступает раздражение.

— Ничего, — отвечает она, слишком быстро. — Я не прячу ничего.

Я смотрю на нее, не двигаясь.

— Велла.

Она сжимает губы, потом нехотя вытаскивает руку из-за спины, и я вижу тонкую полоску крови на ладони, уже успевшую подсохнуть.

— Порезалась, — говорит она с явной претензией. — Когда ты сюда ворвался и решил напугать всех, кто тут вообще может быть. Укололась об шип нивелии, если тебе так важно знать.

Я на секунду задерживаю взгляд на ее руке, потом выдыхаю сквозь зубы.

— Иди к лекарю, — говорю коротко. — Сейчас же. Не хватало еще, чтобы ты занесла туда грязь и устроила себе заражение из-за собственной упрямости.

Она не двигается.

— Велла.

Я смотрю на нее так, чтобы не осталось сомнений, что это уже не просьба.

— Иди, — повторяю. — И оставь меня одного.

Она еще секунду стоит, решая, стоит ли что-то сказать, потом разворачивается, не добавив ни слова, и тихо уходит.

Я жду, пока ее шаги окончательно растворяются в тишине склепа, потом снова поворачиваюсь к Каину и криво усмехаюсь, качнув головой.

— Видишь, брат, даже здесь спокойно не бывает, — бормочу я, проводя ладонью по лицу. — Ладно, полежи пока без меня, а я попробую не развалить твое королевство хотя бы до вечера.

Глава 4

Селина

Я резко просыпаюсь, и несколько секунд лежу неподвижно, вслушиваясь в тишину, которая кажется плотнее обычного, потому что в ней нет ни дыхания рядом, ни едва слышного скрипа пола, который всегда предшествует его появлению.

Поворачиваю голову к двери, ожидая увидеть знакомый силуэт, но комната пуста, огонь в очаге догорает, оставляя только красные угли, и воздух кажется холоднее, чем должен быть. Я лежу, не шевелясь, надеясь, что это всего лишь задержка, что он появится через мгновение, как появлялся уже не раз, выходя из серебристой дымки Грани. Но минуты проходят, и ничего не меняется.

Я сажусь в постели, проводя ладонью по остывшей простыне, и чувствую неприятную пустоту там, где обычно остается тепло от его присутствия. Некоторое время просто смотрю на складки ткани, и пытаюсь убедить себя, что в этом нет ничего тревожного. Каин не обязан появляться ровно в тот же миг, когда я открываю глаза. В конце концов, он дал обещание, а Каин не из тех, кто готов нарушить слово.

Эта мысль твердо звучит в голове, и я держусь за нее, как за что-то надежное, позволяя себе выдохнуть спокойнее. Поднимаюсь с постели, проводя ладонью по волосам, стряхивая этим жестом остатки тревоги, подхожу к окну и на мгновение останавливаюсь перед серыми шторами. Я всегда упрямо закрываю их, словно это может хоть немного обмануть этот мир, позволить представить, что за стеклом не бесконечная серая пелена, а обычное утро в Луциоре, где над горами поднимается холодный свет рассвета.

Резко одергиваю занавески и серебристый туман сразу заполняет окно, медленно переливаясь за стеклом, как тихое море, у которого нет ни края, ни берега. Я вглядываюсь в него, щурясь, пытаюсь различить хоть какое-то движение в глубине этой дымки.

Но там только туман.

— Каин — шепчу я, выдыхая на стекло, и пар на миг затмевает вид, но когда он рассеивается, ничего не меняется — только бесконечная серая пелена, без намека на движение.

Иногда туман сгущается, иногда дорога за Гранью становится длиннее, Каин сам говорил об этом не раз.

— Ты просто придешь позже.

Я отвожу взгляд от окна и выхожу на кухню, стараясь не возвращаться к этой мысли. Поэтому я просто занимаю руки привычными движениями, словно это обычное утро, такое же, как десятки других, когда он появлялся немного позже, чем я ожидала, но все равно появлялся.

Ставлю чайник на плиту, зажигаю огонь, и некоторое время просто смотрю, как пламя медленно разгорается под черным металлом. Затем тянусь к полке, набираю в ладонь горсть сухих трав и несколько темных ягод, которые хранятся в небольшой деревянной чаше, растираю их пальцами и бросаю в кипящую воду, наблюдая, как они медленно кружатся в горячем потоке, окрашивая его в мягкий янтарный цвет.

На самом деле в этом мире мы не нуждаемся в пище, но я все равно иногда ставлю чайник, иногда режу хлеб, иногда раскладываю на столе то небольшое, что можно создать из памяти прежнего мира. Для Каина это что-то вроде маленькой привычки, которая напоминает, что когда-то существовали дороги, постоянные дворы, кухни, простые завтраки у костра перед долгим переходом.

А для меня — возможностью сделать для него что-то приятное.

Я опираюсь ладонями о край стола и невольно улыбаюсь, вспоминая, как сидела рядом с Каином и Теоденом у костра во время нашего путешествия на Конклав. Тогда я просто сидела немного в стороне, наблюдая, как они раскладывают куски хлеба, как из походного мешка

достають вяленое мясо, как Теоден всегда первым тянулся к котелку, проголодавшийся за весь день за троих.

Тогда меня воротило от этого их ритуала. Мне казалось странным и бессмысленным наблюдать за этим человеческим обычаем, который для меня ничего не значил.

А теперь

Теперь я, наверное, отдала бы все, чтобы еще хотя бы раз оказаться у того костра. Сидеть в стороне, слушать, как трещат ветки в огне, смотреть, как Теоден с недовольным видом роется в мешке в поисках еды, а Каин молча нарезает ломти сыра. Как между ними движется тихая, привычная слаженность.

Тогда я не понимала, что смотрю на мгновение, которое однажды станет для меня бесценным.

Как быстро все меняется.

Я стою у стола, наблюдая, как травы медленно кружатся в воде, и вдруг понимаю, что сама уже не могу точно сказать, сколько времени прошло с тех пор, как оказалась в этом доме. Здесь, за Гранью, времени нет в том виде, в каком оно существовало в мире живых. Здесь нет рассветов и закатов, нет настоящей ночи и настоящего дня. Есть только туман.

Мы привыкли отмечать дни по нему.

Когда он становится прозрачным, когда за окнами можно различить очертания далеких холмов и силуэты деревьев, мы называем это утром, потому что именно в такие часы легче всего идти через Грань, а Каину находить меня. Когда туман сгущается, что ничего не разглядеть, мы говорим, что наступает вечер.

Но это лишь слова.

На самом деле здесь нет ни дня, ни ночи.

Есть только ощущение, что что-то меняется.

Я смотрю на окно, где серебристая пелена медленно движется за стеклом, и пытаюсь вспомнить, сколько таких дней уже прошло. Но память здесь тоже странная. Она не складывается в привычную цепочку событий, не делит жизнь на вчера и сегодня. Все сливается в один длинный, тихий поток.

Единственный настоящий момент перемены — это тот короткий миг, когда туман сгущается сильнее всего, когда воздух становится странно неподвижным, и весь этот мир на секунду замирает.

И тогда происходит щелчок.

Он почти неощутим, но мы всегда знаем, когда это случается. В этот миг каждый из нас возвращается на свое место.

Где бы мы ни были, что бы ни делали — Грань неумолимо возвращает нас обратно в наши дома, в те точки, где мы появились в этом мире впервые. Так происходит каждый раз. Снова и снова.

Опускаю взгляд на остывший чайник.

Пар давно исчез, металл потемнел, и вода внутри уже не теплая, а просто неподвижная. Рядом на столе лежит хлеб, который я так и не тронула, и в комнате стоит тишина, в которой слишком ясно слышно каждое движение пламени в очаге.

Я перевожу взгляд на дверь, продолжая упрямо смотреть на нее еще какое-то время, словно одной только настойчивостью можно заставить мир вести себя так, как он вел себя до этого утра, но ничего не происходит.

— Глупо паниковать, — говорю я себе, проводя пальцами по краю стола. — Он не обязан появляться каждое утро.

Дверь остается неподвижной и в это мгновение я еще не знаю, что Каин не придет не только сегодня, он не придет и завтра, и послезавтра тоже. Что туман за окном будет все так же

медленно двигаться по равнине между высоких деревьев, а эта дверь будет оставаться закрытой, сколько бы раз я ни поднимала на нее взгляд.

Я быстро двигаюсь по комнате. Накидываю плотный плащ, пальцы путаются в завязках, и от собственного раздражения я дергаю их сильнее, чем нужно. На столе остается нетронутый хлеб, рядом стоит остывший чайник, и этот неподвижный маленький завтрак, который я в очередной раз подготовила, кажется насмешкой.

Я уже слишком долго жду.

Если Каин не может прийти, значит, мне нужно идти к нему самой.

Хватаю с лавки ремень с ножом, хотя сама не могу сказать, зачем оружие в мире, где я до сих пор не встретила ни одного настоящего зверя, кроме собственных мыслей, и направляюсь к двери.

Я почти касаюсь ручки, потянувшись к ней, когда по ту сторону вдруг раздается стук.

Рука замирает в воздухе.

На одно короткое, ослепляющее мгновение внутри вспыхивает мысль о Каине, такая быстрая и жадная, что я успеваю даже вдохнуть с облегчением, но тут же сама же ее обрываю. Каин не стал бы стучать. Он никогда не стучит.

Стук повторяется, уже настойчивее.

Я медленно опускаю ладонь на ручку и распахиваю дверь.

На пороге стоит Эзар Дарр.

Несколько секунд я просто смотрю на него, не двигаясь. Белые волосы, тяжелый взгляд, спокойная осанка, сцепленные за спиной руки, словно он пришел не в дом за Гранью, а в мой дом там в Луциоре, где все еще имеет право входить без приглашения.

— Ты убила меня, Селина.
Я чувствую, как уголок рта сам собой дергается в сухой, усталой усмешке.

— Ты опять пришел мне об этом напомнить? — отвечаю я, не отступая с порога и не делая попытки впустить его. — Если так, то можешь не утруждаться. Я помню, но если ты надеешься, что я вдруг упаду перед тобой на колени и начну просить прощения — я качаю головой. — То, боюсь, тебе придется ждать очень долго.

— Я не жду, что ты упадешь передо мной на колени, — произносит он спокойно. — И уж тем более не жду извинений. Сожаление — человеческая привычка, а ты слишком долго была эридой, чтобы внезапно научиться такому удобному способу облегчать совесть.

Он делает короткую паузу, разглядывая меня внимательно.

— Но все-таки меня занимает одно, — продолжает он уже тише. — Ты очень спокойно стоишь перед тем, кого убила, и даже не пытаешься объяснить, почему ты это сделала.

Я смотрю на него и чувствую, как между нами снова встает напряжение, знакомое до боли и слишком привычное. Только теперь в нем нет ни моего страха перед Верховным, ни той власти, которую я когда-то за ним признавала. Здесь, за Гранью, он не может приказывать мне склонить голову, не может послать стражей, не может вписать мое имя в Книгу Памяти как имя преступницы. И все же в его взгляде остается что-то такое, от чего у меня невольно напрягается спина.

— Так ты все-таки ждешь объяснений? — спрашиваю я, прищурившись. — Твоя душа не может успокоиться и поэтому ты приходишь? Снова и снова стоишь у моей двери, задаешь одни и те же вопросы, надеясь, что однажды услышишь другой ответ.

Он ничего не отвечает.

Мы просто смотрим друг на друга, и тишина долго тянется между нами, как нить, которая еще не рвется только потому, что оба слишком упрямы, чтобы отвести взгляд первыми. И именно в этой тишине я вдруг думаю о том, что Эзар был первым, кого я увидела за Гранью. Он заявился в этот дом и встал посреди комнаты с тем же спокойным лицом, словно не я вцепилась в его запястье, утягивая в озеро. Тогда я не знала, что думать, не знала, как вообще возможно видеть здесь именно его, а не Каина, не Ривена, не кого-то, кто имел бы для меня больше смысла. Потом появился Каин, и после этого я видела Эзара только однажды, тоже в тот момент, когда Каина рядом не было. Словно он всегда приходит в пустую щель между моим ожиданием и чужим отсутствием.

Я медленно выдыхаю.

— Хорошо, — говорю наконец. — Я поговорю с тобой. Только пообещай мне одну вещь.

Он поднимает бровь.

— Ты ставишь мне условия?

— Представь себе. Смерть сделала меня смелее. Я просто хочу закончить этот разговор раз и навсегда.

— Что за условие?

Я скрещиваю руки на груди, пытаюсь удержать внутри то раздражение, которое поднимается при одном его присутствии.

— Ты перестанешь приходить в этот дом.

— Ты действительно думаешь, что можешь запретить мне приходить?

— Нет. Но я могу решить, открою ли дверь в следующий раз.

Тишина снова растягивается между нами, и я уже собираюсь закрыть дверь, когда он наконец делает шаг.

— Хорошо.

Я устало отступаю в сторону. Эзар заходит не торопясь, как входил когда-то в зал Обители Луциора, и я невольно отмечаю, что даже здесь он сохраняет эту свою властность. Я закрываю дверь, оборачиваюсь и вижу, как он останавливается посреди комнаты, переводя взгляд на очаг, на стол, на кружку с остывшим отваром, на нетронутый хлеб. На мгновение мне кажется, что он замечает слишком многое, и я уже начинаю жалеть, что впустила его, но теперь поздно.

— Кажется, я ошибся в тебе. Ты все же слишком очеловечилась, Селина, — произносит он, переводя взгляд на стол. — Чай. Хлеб. Предметы, которые тебе даже не нужны, но ты все равно упрямо держишь их при себе, словно эта маленькая сцена из человеческой жизни способна сделать тебя ближе к ним. Словно, повторяя их привычки, ты пытаешься убедить себя, что ты не эрида, а что-то иное. Почти человек.

Я коротко усмехаюсь, хотя внутри тут же поднимается раздражение, потому что он думает, что все еще имеет право оценивать, кем мне быть и что держать на своем столе.

— Забавно слышать это от тебя, — отвечаю я, опираясь ладонью о спинку стула, чтобы не выдать, как резко меня задела его слова. — Раньше ты говорил совсем другое. Что мы должны многому учиться у людей, если хотим выжить среди них. Что их привычки, их речь, их слабости нужно понимать лучше, чем они сами, если мы хотим оставаться сильнее. Или это правило действовало, пока ты сам решал, чему именно мне учиться?

— Учиться, да. Но становиться ими — нет. Между маской и превращением всегда есть граница, и ты ее перешла.

— Не переживай за меня, — бросаю резко. — Я как-нибудь сама разберусь, что именно во мне осталось, а что изменилось.

Но он, конечно, не останавливается. Эзар никогда не останавливается, если чувствует слабое место.

— Я не переживаю, — отвечает он, делая шаг по комнате, позволяя себе занять в ней больше пространства. — Я лишь вижу последствия. Человеческие чувства сделали тебя слабой. Не осторожной. Не мудрой. Именно слабой. Ты стала уязвимой для привязанности, для страха потери, для надежды, которая всегда делает зависимым того, кто позволяет ей слишком глубоко пустить корни.

— Ничего нового, — говорю я. — Ты уже говорил мне это, помнишь? Там, на краю обрыва. Почти теми же словами. Видимо, даже после смерти не смог придумать ничего свежего.

Я надеюсь, что он хотя бы на секунду замолчит, но Эзар только наклоняет голову, отмечая мой тон и тут же откладывает это в сторону как нечто несущественное.

— Тогда ты еще могла не понимать всего до конца. Теперь понимаешь лучше. Ты стала зависима от человека. От одного-единственного человека, вокруг которого выстроила все, что считаешь теперь смыслом. И что особенно показательным, именно этот человек в конечном счете тебя бросил.

— Что?

Это слово вылетает прежде, чем я успеваю его сдержать, и по тому, как спокойно он смотрит на меня в ответ, я сразу понимаю, что он заметил слишком многое.

— Ты знаешь, что его нет. Откуда?

— Разве это трудно заметить? — его голос остается мягким, почти бесстрастным. — Здесь все слишком очевидно для того, кто умеет смотреть. Этот дом пропитан ожиданием. Твоя нервозность, эта поспешность, с которой ты собиралась выйти, нетронутый стол, взгляд, который ты бросила на меня, когда открыла дверь. Его нет рядом уже достаточно долго, чтобы ты перестала верить, будто это случайность.

Я чувствую, как пальцы сами сжимаются в кулаки.

— Ты ошибаешься, — говорю я тверже, чем ощущаю себя на самом деле. — Каин не бросал меня.

Эзар не спорит сразу, и в этом молчании я почти слышу, как он выбирает самые точные слова, которыми удобнее будет ударить.

— Это Грань, Селина, — произносит он наконец. — Мир после смерти, где души встречаются. И ты правда ни разу не подумала о том, что к нему мог прийти кто-то важнее тебя?

Кто-то, кого его душа выбрала бы раньше, чем тебя. Кто-то, ради кого он решил больше не приходить сюда.

Я хочу ответить сразу, резко, с презрением, но слова цепляются друг за друга, и Эзар видит эту мою запинку.

Конечно, видит.

И продолжает.

— Люди любят возвращаться к тем, кто сделал их счастливыми, — говорит он уже тише, будто теперь ему незачем повышать голос, потому что нужная трещина уже появилась. — К тем, рядом с которыми они чувствовали покой, радость, принадлежность. Скажи мне честно, Селина, ты делала его счастливым? По-настоящему. Или только мучила. Помнится, при жизни ты его предала, причем не один раз. Именно ты сделала его узурпатором среди своих же. Именно ты осушила его отца. Именно после твоих действий вся его жизнь пошла по той дороге, которая закончилась войной, смертью и этой Гранью.

Во мне так резко вспыхивает ярость, что сразу глушит ту подлую холодную неуверенность, которая уже успела шевельнуться внутри. Я делаю шаг к нему, даже не замечая, как задеваю ногой стул.

— Это я сделала, не зная его, — отрезаю жестче. — И по твоему приказу, — я прямо указываю на него пальцем, не давая себе ни секунды на сомнение, — по твоему приказу, Эзар. Ты продолжаешь стоять здесь и говорить так, будто это не ты годами вбивал мне в голову, что род важнее людей, что жалость делает слабой, что ради цели можно переломать кого угодно, если это нужно для будущего. А теперь ты приходишь сюда и пытаешься убедить меня, что Каин тоже может предать меня. Только ради чего? — я прищуриваюсь, и губы сами кривятся в злой усмешке. — Ревнуешь?

На мгновение в комнате становится так тихо, что слышно, как где-то в очаге осыпается уголек.

Эзар смотрит на меня неподвижно, и я успеваю подумать, что, возможно, впервые за весь разговор попала туда, куда не следовало.

— Ревность нет, Селина. — Он делает короткую паузу. — Я хочу дать тебе понять другое. Несмотря ни на что, в этом мире у тебя еще есть шанс.

Он выпрямляется сильнее, и я внезапно узнаю в нем того Эзара, который когда-то стоял перед Советом Луциора, убеждая, приказывая, собирая вокруг себя веру так же уверенно, как другие собирают оружие перед битвой.

— Здесь нет старого Луциора, — продолжает он. — Нет тех законов, которые сковывали нас среди живых, нет слабых, которые мешали идти до конца. Здесь все можно выстроить заново. И если ты наконец перестанешь смотреть только в сторону одной закрытой двери, то поймешь, что у тебя есть выбор.

Я смотрю на него, уже чувствуя, к чему именно он ведет, и от этого внутри поднимается тяжелое, болезненное отвращение.

Но он все равно произносит это вслух.

— Встань рядом со мной, Селина. И мы создадим здесь новый порядок. Вместе.

Его слова повисают в комнате, и мне на секунду кажется, что даже воздух становится холоднее. Я не отвечаю сразу, потому что слишком хорошо знаю этот тон, эту уверенность и эту его опасную способность прятать власть в спокойные слова. Именно так он всегда и действовал. Не ломал дверь сразу, а сначала убеждал, что за ней нет ничего кроме хаоса, и что только он один способен построить из этого хаоса что-то прочное.

Несколько секунд я просто смотрю на него, а потом внутри вдруг поднимается настолько неожиданное чувство, что я даже не сразу понимаю, что именно это. Смех. Он коротко вырывается, и я качаю головой, глядя на Эзара так, будто впервые вижу перед собой не бывшего наставника, а кого-то нелепого в своей упрямой невозможности. Сама эта мысль, что он все-

рьез пришел ко мне с предложением строить здесь какой-то новый порядок, кажется настолько абсурдной, что удержать лицо спокойным уже не получается.

— Ты в реальном мире не смог его сделать, — говорю я, все еще с остатком этого смеха в голосе. — И теперь собрался устраивать его здесь? Только для чего, Эзар? Какой порядок в этом месте? Для кого? Здесь никого нет. Пусто. Только мы с тобой и те, кого мы можем найти.

Он сначала даже не отвечает, и по тому, как меняется его лицо, я понимаю, что на этот раз мои слова действительно его задевают. В его взгляде впервые за весь разговор появляется удивление, будто я только что сказала нечто настолько странное, что он не уверен, правильно ли вообще меня услышал. Он смотрит на меня внимательнее, уже без прежней уверенности, и этот сдвиг в нем ощущается почти физически.

— Почему ты думаешь, что здесь нет никого? — спрашивает он наконец.

Я хмурюсь, не понимая, к чему он ведет.

— Потому что я никого здесь не видела, — отвечаю я. — Кроме тебя и Каина.

Едва слова слетают с губ, как Эзар резко хватается меня за руку и тянет к двери.

— Что ты делаешь? — вырывается у меня, и я невольно упираюсь, больше от неожиданности, чем по-настоящему пытаюсь остановить его.

Но он даже не оборачивается. Эзар распахивает дверь, выводит меня наружу, и сухой воздух сразу обволакивает в лицо, а туман за порогом кажется плотнее, чем еще недавно. Я снова дергаю руку, ворча уже откровенно сердито, но Эзар не слышит, продолжая тащить меня дальше по узкой тропе к деревьям, туда, где серое марево сгущается между стволами.

Наконец он останавливается так резко, что я едва не налетаю в его спину, и резко поворачивает меня лицом вперед.

— Видишь? — спрашивает он.

Я моргаю, все еще раздраженная, уже напуганная этой его реакцией, и вглядываюсь в туман перед собой.

Там только деревья.

Высокие темные стволы, сизое марево между ними, редкие черные нивелии, обвивающие кору, мягкая земля под ногами. Ничего больше.

— Я уже сказала тебе. Я никого не вижу.

— Смотри, — требует он жестче. — Внимательно. Видишь?

Я щурюсь так сильно, что начинают болеть глаза, и сердце почему-то бьется все быстрее, будто само тело уже понимает, что происходит что-то не то.

— Нет, — произношу я медленно. — Никого нет.

Он поворачивается ко мне так резко, что белые волосы скользят по плечу.

— Ты серьезно?

— Более чем. — Я выдергиваю руку из его пальцев и отступаю на полшага. — Ты хочешь убедить меня в том, что ты видишь то, чего не вижу я?

— Я не хочу тебя убедить, — отвечает он быстро. — Я хочу понять, почему ты никого не видишь.

Я смотрю на него, уже окончательно сбита с толку.

— Кого?

И тогда он поднимает руку, указывая куда-то в серое пространство между деревьями, словно там действительно кто-то стоит.

— Здесь много таких, как мы, — уверенно произносит он. — Там, у того дерева. Еще двое дальше у тропы.

Я смотрю туда, куда он указывает.

И вижу пустоту.

Только туман и деревья.

— Там никого нет.

— Они прямо перед нами.

— Но я их не вижу. — Теперь в моем голосе тоже проступает злость, смешанная с растущим холодом. — Там только туман и деревья, Эзар.

Он замолкает.

Это происходит так внезапно, что я сразу замечаю перемену. Его взгляд, до этого напряженный, вдруг меняется и уходит внутрь себя. Он в одну секунду перестает смотреть перед собой и начинает быстро складывать в голове что-то куда важнее нашего разговора. Черты его лица становятся жестче от мысли, которая приходит слишком резко и явно ему не нравится.

— Что ты знаешь, Эзар? Говори.

Ветер проходит между деревьями, и туман вокруг нас начинает медленно сгущаться, сначала едва заметно, потом все сильнее. Повсюду нарастает давление, то самое, которое появляется перед щелчком. Эзар смотрит на меня, оценивая, успеет ли вообще сказать то, что понял.

— Если ты видишь только тех, кто сам приходит к тебе, то, возможно, ты слита с кем-то. У меня уходит секунда на то, чтобы вообще понять услышанное.

— Что значит слита?

Туман становится гуще, подбираясь к нашим ногам, и Эзар переводит взгляд на серое марево, потом снова на меня.

— Из-за слияния, — говорит он уже быстрее. — Ты видишь только тех, кто имеет отношение к тебе. Или к тому, с кем ты связана. Все остальное отсекается. Ты воспринимаешь только тех, кто сам пересекает границу твоего восприятия.

Я смотрю на него, пытаюсь понять, о чем он вообще говорит, и с каждым словом внутри становится только запутаннее.

— Я не понимаю. Что такое слияние? О чем ты?

— Если ты видишь только тех, кто приходит к тебе, — продолжает он, пытаюсь успеть до того, как туман окончательно поднимется, — значит, твоя душа настроена на одну нить. На одного.

Я хмурюсь еще сильнее.

— На кого? — спрашиваю я требовательно. — Это из-за Каина? Ты это хочешь сказать? Мы мы как-то связаны? Но я его не чувствую! Я не могу найти его сама! Если есть связь, почему я ничего не понимаю?

Он открывает рот, собираясь сказать что-то еще, но туман уже поднимается выше, касается наших колен, и мир вокруг начинает сдвигаться в тот самый опасный, неустойчивый миг перед возвращением.

Туман взматывается вверх, заполняя все пространство белой пеленой, и его слова обрываются, не успев стать ответом. Я тянусь к нему, в надежде удержать это мгновение, но пальцы хватают только холодный воздух.

— Эзар! — произношу я, но голос уже тонет в плотной тишине.

Мир складывается, как закрывающаяся книга.

И когда туман рассеивается, я стою в своей комнате, одна, среди тихих стен, и напряжение все еще гудит в груди, потому что вопрос так и остался без ответа.

Глава 5

Каин

Сначала мне снится не место, а ощущение, настолько забытое, что я не сразу узнаю его. Это ощущение старого дома из тех лет, когда я еще не смотрел на собственного отца как на человека, которого однажды придется потерять. Воздух здесь теплый, мягкий, наполненный запахом летнего сада, и откуда-то доносится тихий смех, настолько живой и светлый, что у меня на мгновение сжимается грудь. Я иду на этот звук, уже зная, кого увижу, и все равно, когда поднимаю взгляд, внутри что-то тяжело сдвигается.

Мать сидит у невысокого каменного парапета, как когда-то в те редкие дни, когда болезнь еще не легла на ее лицо серой тенью, не забрала силы и не превратила каждый ее вдох в маленькую борьбу. Иссель улыбается, легко придерживая рукой темную прядь волос, которую трогает ветер. В ее улыбке нет боли, нет усталой нежности, с которой она потом смотрела на меня, будто уже заранее прощалась. Она такая, какой я помню ее слишком мало, чтобы быть уверенным в собственных воспоминаниях, и все же узнаю сразу, безошибочно, всем существом. Рядом с ней стоит отец, молодой, прямой, без той тяжелой неподвижности во взгляде, которая позже въелась в него. Он смеется над чем-то, что она ему говорит, и этот смех на мгновение кажется мне чуждым, потому что я не помню Родена таким. Не королем, не холодной стеной, через которую уже невозможно достучаться, а мужчиной, отцом.

Я останавливаюсь в нескольких шагах, и они оба смотрят на меня так, словно ждали.

— Ты опоздал, — произносит мать с мягкой улыбкой, которой мне всегда не хватало.
— Мы уже начали без тебя.

— И, как всегда, говорили о тебе, — добавляет отец, подходя ближе.

Я смотрю на него, все еще не зная, что должен чувствовать первым: злость, недоверие или ту детскую, давно похороненную жажду, с которой когда-то ждал от него простого одобрения. Но ничего из этого не успевает оформиться до конца, потому что здесь, в этом сне или воспоминании, во всем есть странная ясность. Я вижу Родена таким, каким, наверное, он был до того, как власть стала для него второй кожей, до того, как болезнь матери, страх потери, слабость, вина и жажда удержать все в руках медленно изуродовали его.

— Ты смотришь так, будто не веришь, — говорит он.

— А должен?

Мать подходит ко мне первой и касается моей щеки ладонью. От этого простого движения у меня перехватывает дыхание, потому что я слишком давно не помню ее прикосновений, а это ощущается настоящим, настолько настоящим, что я боюсь пошевелиться.

— Здесь не нужно верить, — тихо говорит она. — Здесь можно просто видеть.

Я закрываю глаза только на мгновение, а когда открываю, отец уже стоит прямо передо мной. Так близко, что я различаю тонкую морщину у переносицы, которой не было в годы моего детства, и едва заметный шрам у виска, о котором никогда не спрашивал. Он смотрит на меня с человеческим взглядом отца, наконец сбросившего с себя королевскую тяжесть.

— Я много раз думал, что сказал бы тебе, — выдыхает он. — И каждый раз выходило одно и то же. Слишком поздно. Слишком мало. Но, возможно, даже этого достаточно.

Отец переводит взгляд куда-то в сторону, будто на мгновение возвращается туда, в последние годы своей жизни, и лицо его меняется, становится тяжелее.

— То, что произошло потом, — произносит он уже тише. — То, кем я стал. Безмолвие. Та жалкая тень, в которую я превратился. То, что эрида сделала со мной Я получил по заслугам.

Я резко поднимаю на него взгляд.

Он встречает его спокойно.

— Не спорь, — продолжает он. — Я знаю, как легко было бы свалить все на других. Но правда в том, что я сам давно подготовил почву для собственного падения. Я слишком многим пожертвовал ради собственного страха потерять корону, и в какой-то момент начал смотреть на тебя не как на сына, а как на помеху, хотя ты был единственным, кто еще мог удержать дом Эрданов от окончательного гниения.

Во мне что-то болезненно дергается.

— Ты это понимал?

— Поздно, — отвечает он. — Но понимал.

Мать подходит к нему, останавливаясь рядом, и он на секунду касается ее руки.

— Ты не был препятствием, Каин, — говорит Роден с усталым сожалением. — Ты был тем, кем я должен был гордиться с самого начала. Тем, кому я должен был передать не только трон, но и право остаться сыном. Я не дал тебе этого. И за это тоже получил по заслугам.

— Я ненавижу тебя.

— Знаю.

— И все равно хотел, чтобы ты хоть раз посмотрел на меня иначе.

Отец закрывает глаза на миг, затем кивает.

— Знаю и это.

Мать смотрит на меня так, будто ей больно слышать эти слова, и все же она не вмешивается, позволяя им остаться между нами.

— Иди дальше, сын, — говорит отец. — Там, куда тебя тянет, для тебя важнее все-таки не я.

Мать касается моего плеча.

— Ты найдешь ее, — шепчет она. — Такие вещи не исчезают только потому, что миры меняются.

Я хочу спросить, о чем она говорит, хочу задержать этот миг еще хотя бы на одно слово, но свет вокруг внезапно начинает тускнеть, их лица отдаляются, и что-то тяжелое резко врывается в это тепло, как если бы меня с силой дернули за грудь.

И открываю глаза.

Сначала не понимаю, что именно не так, потому что пробуждение приходит слишком резко, ломая сон надвое, и я еще не успеваю полностью отделить одно от другого. Надо мной не привычный потолок моего дома за Гранью, не темные деревянные балки и не мягкий полумрак комнаты. Надо мной возвышается купол белой нивелии, и ее огромные лепестки смыкаются надо мной как странный живой свод. Воздух холодный, настоящий, режущий грудь так, как за Гранью уже давно ничего не режет, и от этого у меня внутри мгновенно поднимается паника.

Я пытаюсь вдохнуть глубже и вдруг понимаю, что тело не слушается.

Оно тяжелое. Неповоротливое. Как будто я не просто спал, а лежал неподвижно бесконечно долго, и каждая мышца теперь вспоминает себя заново. Пальцы едва сгибаются. В плечах тупая, ломающая боль. Шея не держит голову как нужно. В груди тяжесть, в которой нет привычной легкости посмертного существования. Здесь есть вес. Скованность.

Осознание приходит страшной, рваной волной, которая сначала только касается края сознания, потом разрастается и в следующую секунду накрывает целиком.

Нет

Я резко втягиваю воздух, и этот вдох обжигает так сильно, что я захлебываюсь им.

Я не должен быть здесь.

Я с усилием приподнимаюсь на локтях, и движение тут же отзывается такой слабостью, что перед глазами на мгновение темнеет. Мир качается. Белые лепестки нивелии над головой дрожат в поле зрения, холод пробирает до костей, под ладонями твердая поверхность, камень или мрамор, и с каждым ударом сердца понимание становится только страшнее.

Я в мире живых.

Без нее.

Я с трудом поворачиваю голову и вижу Теодена, стоящего передо мной. Он смотрит так, словно увидел не человека, а собственный кошмар. Рот его приоткрыт, лицо потеряло цвет, и на секунду мне кажется, что он сейчас действительно рухнет в обморок, не то от ужаса, не то от потрясения. Рядом с ним замерла Эрис в алом плаще, не менее бледная, с широко распахнутыми глазами, в которых смешались страх и изумление. А чуть дальше стоит Велла. Ее лицо тоже белое, но в ее взгляде, в отличие от остальных, не только шок. Там еще и что-то еще, слишком острое и жадное для простого потрясения.

И только тогда я окончательно понимаю, что это не сон.

Я смотрю на них и чувствую, как во мне поднимается не радость возвращения, не облегчение, а ледяной, сдавливающий ужас.

— Нет, — говорю я хрипло, качая головой. — Нет, это неправда. Я должен был проснуться там.

Голос срывается, но мне уже все равно, как он звучит. Перед глазами все еще стоит огненное поле за Гранью, туман, рука Селины в моей, ее взгляд в тот миг, когда она просила обещать, что я найду ее.

Я обещал.

И теперь меня вырвали от туда, и швырнули обратно в мир, где ее нет.

— Я обещал ей, — выдыхаю я уже тише. — Я обещал, что вернусь. Что приду к ней.

— Каин Ты был мертв. — Теоден наконец отмирает, голос у него сиплый и сломанный, совершенно не похожий на обычный.

Я поворачиваю голову к нему так быстро, что тело снова прошивает слабостью.

— Где Селина?

— Ты лежал здесь, — осторожно произносит Эрис, делая неуверенный шаг ко мне. — Мы просто пришли стояли говорили. И потом ты вдруг очнулся.

Я смотрю на нее, но ее слова не укладываются в голове, не могут там закрепиться, потому что все это бессмысленно, неправильно, невозможно.

— Я должен быть за Гранью, — говорю уже жестче.

С этими словами я упираюсь ладонями в край гроба и начинаю подниматься. Тело раздраженно не слушается, не понимая, зачем его снова заставляют двигаться. Ноги подкашиваются, руки дрожат, но я все равно вылезаю из гроба, цепляясь за мрамор, за край саркофага, за что угодно, только бы не оставаться внутри этой каменной могилы, которая вдруг оказалась не последней.

— Что вы сделали? Вы вернули меня?

— Мы ничего не делали, — вскрикивает Теоден, и в этом звуке столько истеричного потрясения, что он сам, кажется, слышит себя со стороны и от этого пугается еще сильнее. — Мы просто стояли, говорили, а ты ты сам встал. Поверь, я удивлен не меньше!

Я резко вскидываю на него взгляд.

— Не лги мне. Никто не возвращается просто так. Я не хотел, — добавляю я уже тише, срываясь на шепот.

В этот момент взгляд цепляется за цветы у гроба.

Нивелии.

Они черные.

Не белые, как те, что смыкались надо мной куполом, а черные до самого основания, будто их лепестки кто-то вымочил в ночи. От этого зрелища внутри что-то тяжело оседает, потому что память тут же подбрасывает слова, сказанные за Гранью, разговор у деревьев, старое поверье, черные бутоны как знак того, что душа хочет вернуться. Но я не хотел вернуться.

— Почему они черные? — спрашиваю я, не отрывая от них взгляда.

— Они сами почернели, — отвечает Эрис, дрожащим голосом — У гробницы. Сначала один бутон, потом еще.

Я смотрю на нее долго.

Слишком долго.

— И вы думаете, что я просто так очнулся?

Никто не отвечает и с каждым ударом сердца во мне все яснее встает одно-единственное, страшное понимание. Я не должен быть здесь. Я должен вернуться к Селине.

Мой взгляд падает на пояс Теодена.

Все происходит быстрее, чем успевает оформиться в осознанную мысль. Я шагаю к нему, еще неловко, еще скованно, но ярость делает тело послушнее, чем любая сила. Пальцы вцеп-

ляются в рукоять кинжала, я дергаю оружие из ножен, и только когда холодный металл оказывается у меня в руке, Теоден по-настоящему понимает, что я собираюсь сделать.

— Каин, нет!

Он бросается ко мне так резко, что сам едва не спотыкается.

— Отдай.

Я отступаю на шаг, поднимая кинжал.

— Я должен вернуться.

— Ты совсем с ума сошел? — выдыхает он, отмахиваясь и отталкивая мою руку. — Только я обрел брата обратно, а ты ты хочешь убить себя?

— Отпусти.

Я дергаю руку, но он вцепляется крепче, и в следующее мгновение мы уже боремся, срываясь на те резкие, грязные движения, которые рождаются из отчаяния. Тело подводит меня, мышцы не держат прежнюю силу, пальцы сводит слабостью, и это злит еще сильнее, потому что в другое время Теоден не удержал бы меня так легко. Сейчас же я ощущаю себя запертым в собственной плоти, слишком медленной, слишком тяжелой, слишком живой.

— Отдай нож. Да приди ты в себя! — шипит он мне в лицо, уже не скрывая паники.

— Я в себе. Лучше, чем ты думаешь, — выдыхаю я, пытаюсь вывернуть руку.

Он тянет оружие на себя, я рву обратно, металл режет ладонь, но боль только подстегивает.

— Там Селина, — рычу я. — Ты не понимаешь. Я обещал ей.

Он не отвечает, только давит сильнее, и в этот момент во мне окончательно вскипает бешенство. Я рвусь вперед, врезаясь в него плечом, и, кажется, еще секунда, и либо нож окажется у меня в груди, либо мы оба полетим на каменный пол склепа. Эрис что-то выкрикивает сбоку, Велла тоже делает шаг, но не вмешивается.

— Прекратите! Вы оба с ума сошли! — врывается требовательный голос Эрис.

Теоден вдруг резко отпускает одну руку, и в следующую секунду его кулак врезается мне в лицо. Голова дергается в сторону, перед глазами вспыхивает белое, я теряю равновесие, ударяясь плечом о край саркофага. Кинжал выпадает из пальцев и звенит о камень.

— Прости — выдыхает Теоден сразу же. — Прости меня. Но я не дам тебе это сделать. Не дам, слышишь?

Я медленно поворачиваю к нему голову.

Во рту кровь. В челюсти пульсирует боль. И поверх всего этого поднимается такая ярость, что на мгновение становится темно.

— Ты ударил меня, — произношу я очень тихо.

Теоден бледнеет еще сильнее, будто только теперь до него по-настоящему доходит, что именно он сделал.

— Каин

Я выпрямляюсь, стирая кровь с губ тыльной стороной ладони, и смотрю на него так, что он невольно делает шаг назад.

— Если ты думаешь, что этим остановил меня, — говорю я, чувствуя, как каждое слово выходит холоднее предыдущего, — то ты окончательно отупел за время моего отсутствия.

Во мне все еще бушует ярость, которая требует движения, но под ней уже растет отчаяние. Пока я стою здесь, Селина осталась там одна. И я не знаю, поняла ли она уже, что я исчез или все еще ждет меня.

Я бросаюсь на Теодена снова, уже не за ножом, а просто потому, что ярость требует выхода и потому, что стоять спокойно под его жалостью, и его попытками решать за меня, сейчас невыносимо. Я успеваю схватить его за ворот, рвануть к себе, и в тот же миг Теоден, уже ожидавший этого, перехватывает меня крепче, чем прежде.

— Хватит, — выдыхает он мне в лицо.

И в следующую секунду он с силой валит меня на землю.

Каменный пол ударяет в бок так резко, что из груди выбивает воздух. Я тут же пытаюсь вывернуться, дернуться, сбросить его с себя, но Теоден наваливается всем весом, прижимая меня к полу, ловко уводит одну руку назад, потом вторую, и суставы простреливает, когда он заламывает их за спину. Я рычу сквозь зубы, пытаюсь ударить плечом, рвануться коленом, но слабость тела снова оказывается сильнее ярости, и от этого хочется выть.

— Держи его, — слышу я голос Эрис, уже без всякого оцепенения.

Краем глаза вижу, как она поспешно поднимает с пола длинный шнур — наверное, от занавеси или погребального убранства. Она и сама до конца не понимает, что делает, но движется с той решимостью, которая приходит к людям, когда страх уже слишком велик и на сомнения не осталось времени.

— Ради всего святого, Каин, перестань вырываться, — шепчет она, падая рядом на колени и помогая Теодену стянуть мои запястья. — Это ради твоего же блага.

— Моего блага? — хрипло усмехаюсь, пытаюсь сбросить их руки, — Вы всерьез решили, что можете определить, что для меня благо?

Велла не бросается помогать Теодену и Эрис, только останавливается рядом и смотрит на меня своим тихим, внимательным взглядом сверху вниз.

— Ты только очнулся. Ты слаб. Ты не понимаешь, что делаешь, — произносит она тихо, но настойчиво.

Теоден затягивает узел крепче, затем осторожно ослабляет хватку, но не отпускает меня сразу, будто все еще ждет, что я опять рванусь с места. И, наверное, правильно ждет, потому что я действительно пытаюсь еще раз, но руки уже связаны, и в итоге это выглядит не как атака, а как унижительная, бесполезная судорога.

Теоден рывком ставит меня на колени, Эрис отступает на шаг, сжимая в пальцах конец шнура, боясь что я каким-то образом сумею освободиться. Я остаюсь внизу, связанный, с пульсирующей болью в лице, с онемевшими руками за спиной, и все это настолько нелепо, что на секунду мне действительно хочется рассмеяться.

Я поднимаю голову и обвожу их взглядом.

— Забавная ситуация. И что теперь? Что вы собираетесь со мной делать?

Никто не отвечает сразу.

Теоден смотрит мрачно, Эрис напряженно, Велла слишком внимательно, и это молчание само по себе уже ответ, они не знают. Ни один из них не знает, что делать с мертвецом, который встал из гроба, с королем, который ожил не вовремя, с человеком, который вместо благодарности за возвращение хочет только одного — умереть снова.

Я усмехаюсь, чувствуя на губах вкус крови.

— Давайте, — продолжаю я. — Продумайте это вслух, раз уж решили связать меня как буйного пленника. Куда меня денете? Спрячете? Запрете? Посадите в темницу, пока я не одумаюсь и не начну играть в послушное чудо?

— Каин, — начинает Эрис, но я перебиваю.

— Если кто-то увидит меня, как вы думаете, как люди отреагируют? — спрашиваю я уже жестче, переводя взгляд с нее на Теодена. — Что вы им скажете? Что слеза эриды все-таки воскресила меня? Что чудо произошло, просто с опозданием? Что мертвый король решил вернуться, когда ему вдруг стало скучно лежать в гробнице?

Теоден морщится так, будто каждый мой вопрос бьет его по вискам.

— Никто тебя не увидит, — отвечает он наконец. — Только те, кому мы можем доверять. Пока не придумаем, что делать дальше.

— Прекрасный план, — бросаю я. — Особенно та часть, где вы сначала прячете меня, а потом уже решаете, зачем.

— У тебя есть вариант лучше? — огрызается Теоден с усталым раздражением. — Выпустить тебя наружу с этими лицом покойника, который только что поднялся? Дать тебе нож и посмотреть, чем кончится? Или, может, собрать Совет и сразу всем объявить, что Каин Эрдан вернулся из мертвых, но очень расстроен и хотел бы обратно в могилу?

Я смотрю на него снизу вверх и чувствую, как внутри снова поднимается злость.

— Лучше бы ты дал мне нож.

Эрис резко закрывает глаза на секунду, словно ей физически больно это слышать.

— Не говори так, — шепчет она.

— Почему? — Я поворачиваюсь к ней. — Потому что это неприятно? Потому что вам всем удобнее считать мое возвращение подарком, а не ошибкой?

— Это не ошибка, — уверенно вставляет Велла.

Я сразу перевожу взгляд на нее.

— Не смей.

Но она все равно продолжает.

— Ты живой. Это не может быть ошибкой.

— Для тебя, может быть, — отрезаю я. — Для меня может.

— Что здесь происходит?

Раздается чей-то хриплый голос, так внезапно, что все в склепе одновременно вздрагивают и оборачиваются на звук.

У дальнего склепа, упираясь ладонью в каменный край, стоит мужчина, и выглядит он как человек, которого буквально только что вытащили из слишком долгого небытия. Одежда на нем местами истлела до полупрозрачных лохмотьев, ткань висит на худом теле неровными клочьями, обнажая бледную кожу. Щеки впали, губы бескровные, волосы темные, спутанные, прилипают к вискам, а сам он держится за камень так, будто если уберет руку, то тут же рухнет обратно. Он высокий, и даже в таком состоянии в нем сразу чувствуется опасная врожденная собранность.

Теоден первым приходит в себя, хотя и выглядит так, словно сейчас сам присоединится к мертвецам.

— А ты ты еще кто такой? — выдыхает он с таким искренним ужасом, что даже Эрис на секунду зажмуривается, видно, что ей самой уже не хватает сил на новое потрясение.

Незнакомец медленно переводит на Теодена недоуменный взгляд.

— Хороший вопрос, — произносит он хрипло, опуская веки, явно пытаясь вытащить ответ из собственной памяти. — Особенно для того, кто только что очнулся, вышел из собственного склепа и теперь едва вспоминает, кто он сам такой.

Велла резко оборачивается к черной нивелии, и я вижу, как ее лицо меняется, вытягивается еще сильнее. Лоза, почерневшая у моего гроба, не заканчивается на саркофаге. Она тянется дальше, по камню, скользит к соседнему склепу, обвивает его основание и, кажется, уходит прямо под плиту, из-под которой этот человек только что вышел.

Теоден тоже это замечает, и ужас на его лице становится смешным. Он медленно оглядывается на остальные склепы, ожидая, что сейчас сдвинется еще один камень, потом еще один, и скоро вся династия Эрданов начнет вставать из могил, чтобы окончательно добить его рассудок.

— Нет, — бормочет он с суеверным отчаянием. — Нет, только не говорите мне, что у нас тут теперь это пойдет по кругу. Мне одного воскресшего кузена уже хватает с запасом, а если сейчас полезут остальные, я просто убегу в лес и буду жить с волками.

Эрис бросает на него короткий взгляд, явно желая одернуть, но даже у нее не находится слов.

Незнакомец тем временем делает шаг вперед, и видно, как трудно ему дается каждое движение. Он все еще держится за край склепа, слегка пошатываясь.

— Я помню только — говорит он, морщась, — как на замок напали эриды.

Велла вскидывает на него голову так резко, что косы вздрагивают на плечах.

— На замок? — переспрашивает она. — Ты говоришь о падении Золотого века?

Незнакомец смотрит на нее недовольно, явно сам раздраженный тем, что вынужден собирать себя по кускам через вопросы.

— Если это название у него отобрали за время моего отсутствия, то да.

— Ты Дариан Эрдан? — спрашивает она с неожиданным для нее изумлением.

Мужчина морщится с отвращением.

— Нет. — В одном этом коротком слове столько злобы, что даже в его слабости проступает характер. — Я Адарис. Его брат.

— Странно, — произносит Велла с недоверием. — Я очень хорошо знаю историю Веларрона. У Ровена был только один сын. Дариан. Он умер и воскрес благодаря слезе эриды сто тридцать семь лет назад. О другом наследнике не сказано ни в одном свитке.

Адарис сухо усмехается.

— Конечно, — отвечает он. — У брата не хватило той самой совести, за которую он так держался перед всеми, признаться, что у него был брат. И если я действительно лежал под этим камнем, значит, он избавился от меня так же тщательно, как и от упоминаний обо мне.

Он замолкает на секунду, и я вижу, как его взгляд внезапно цепляется за одну фразу, сказанную Веллой.

— Но ты сказала — он хмурится сильнее. — Сто тридцать семь лет назад?

Велла медленно кивает.

Он резко поднимает голову, и в одно мгновение его взгляд становится напряженным, почти отчаянным, как будто сквозь всю его растерянность внезапно пробивается одна-единственная мысль, слишком важная, чтобы скрывать ее дальше.

— Элария Дарр, — спрашивает он быстро. — Где она? Она умерла?

Элария Дарр. Это имя знают все, кто хоть раз открывал старые хроники Веларрона. Элария Дарр, дочь Глашатая, одна из тех фигур, чье имя вросло в историю так глубоко, что стало легендой. Теоден, конечно, тоже знает это имя. Эрис знает. Велла тем более. Но то, как Адарис произносит его сейчас, убирает с него всю эту пыль летописей.

Велла опускает взгляд на мгновение, и я уже понимаю, что ответ ей известен хотя бы частично.

— Тебе лучше не знать, что с ней случилось, — говорит она наконец, уводя взгляд в сторону.

— Лучше не знать? — повторяет он с такой сдержанной злостью, что даже голос у него становится тише. — Ты в своем уме? Я спрашиваю, жива ли она!

— Очень много времени прошло, — осторожно вступает Эрис, делая шаг вперед, пытаясь смягчить удар самой интонацией. — Сейчас тебе нужно прийти в себя. Ты только очнулся, ты едва стоишь, и...

— Не смей говорить со мной так, будто я брежу, — обрывает ее Адарис, резко поворачивая голову. — Я прекрасно понимаю, сколько прошло. Именно поэтому и спрашиваю.

— Адарис, — начинает Велла, но он уже злится по-настоящему.

— Нет. — Он делает упрямый шаг вперед, и впалые щеки еще сильнее заостряют лицо, делая его почти призрачным. — Хватит недомолвок. Либо вы отвечаете, либо я сам найду того, кто ответит. Где Элария?

Теоден проводит ладонью по лицу, будто у него уже болит голова от количества воскресших покойников и чужих трагедий за одно утро.

— Послушай, — говорит он со своей обычной прямоотой, в которой сейчас больше усталости, чем твердости. — Сто тридцать семь лет — это не тот срок, после которого тебя встретят готовыми ответами. Ты сам выглядишь так, будто едва удерживаешься на ногах. Сначала нам всем надо понять, что вообще происходит, а потом уже

— Потом? — Адарис зло усмехается. — Ты предлагаешь мне подождать еще немного? После века под камнем?

Эрис быстро переводит взгляд с него на склепы вокруг и, кажется, впервые позволяет себе произнести вслух ту мысль, которая уже успела напугать каждого.

— Надо проверить остальные ниши. Вдруг вдруг кто-то еще встал.

Теоден резко оглядывается на ряды склепов, и по его лицу видно, что эта мысль ему уже являлась, просто он очень надеялся не слышать ее вслух.

— Прекрасно, — бормочет он. — Именно этого мне и не хватало. Королевского кладбища, которое решило ожить по частям.

— Никто больше не встанет, — уверенно произносит Велла.

Все одновременно смотрят на нее.

Даже Адарис на секунду забывает о своем вопросе.

Теоден медленно поворачивается к Велле, и в его взгляде снова появляется та опасная настороженность, которая до этого была целиком обращена на меня.

— Точно? — спрашивает он.

— Да, — отвечает она.

— Почему ты так уверена? — спрашиваю я, глядя на нее уже совсем иначе.

Велла переводит взгляд на меня. На мгновение мне кажется, что она сейчас уклонится, попытается спрятаться за какими-нибудь общими словами о знаках и старых легендах, но, видимо, момент для этого уже упущен.

— Потому что я изучала запретные свитки, — говорит она.

У меня внутри что-то резко сжимается.

Черные нивелии. Мой гроб. Ее взгляд, когда я открыл глаза. Слишком быстрая радость. Слишком много знания. Слишком уверенное спокойствие там, где остальные были в ужасе.

Все складывается сразу.

Я рвусь вперед так резко, что шнур впивается в кожу до боли, и, наверное, если бы Теоден не стоял совсем рядом, я бы все равно попытался добраться до Веллы хоть ползком.

— Ты, — выдыхаю я с такой яростью, что голос становится неузнаваемым. — Это ты.

Теоден мгновенно делает шаг между нами.

— Велла, беги, — бросает он, не оборачиваясь.

Но она не двигается.

Стоит на месте, бледная, и смотрит прямо на меня, как человек, который слишком долго шел к одному поступку, чтобы отступить в ту секунду, когда правда наконец открылась.

— Это я вернула Каина, — произносит она тихо.

У меня темнеет в глазах. Шнур трещит под руками.

Глава 6

Элария

Я останавливаюсь так резко, что едва не падаю, успев в последний миг выровняться.

— Ты сейчас выглядишь так, будто увидела покойника или сама собралась им стать, — произносит Ривен, пристально вглядываясь в мое лицо, в надежде разглядеть в нем ответ раньше, чем я произнесу его вслух. — Я бы предпочел первый вариант, потому что со вторым обычно больше хлопот, а у меня, как назло, и без того не самый удачный день. Так что давай без красивых недомолвок, Элария, и скажи уже прямо, что с тобой происходит?

Я открываю рот не сразу, потому что слова, которые поднимаются к горлу, слишком долго были невозможными.

— Я чувствую его, — говорю я, и даже сама не узнаю, как тихо это выходит. — Впервые за век, Ривен, я что-то ощущаю. Его. Адариса. И я знаю, как безумно это звучит, но Сарен был прав. Я действительно слита с ним.

Ривен проводит ладонью по волосам, взъерошивая их сильнее обычного.

— Слита — повторяет он с хриплой, озадаченной ноткой. — Не знаю даже, хорошо это или плохо, не пойму. Только голову не теряй. Мы у людского замка, и здесь нас прирежут раньше, чем ты успеешь назвать его имя.

Мы выходим к лесной дороге, и впереди сквозь черные стволы показывается стена Веларона. Когда-то здесь был низкий забор между конюшнями и лесом. Теперь вместо него поднимается тяжелый камень и меня от этого коротко передергивает, потому что даже здесь время успело все перекроить по-своему.

Я разворачиваюсь к Ривену и тяну к нему ладонь. Он смотрит на меня вопросительно, потом криво усмехается, мгновенно поняв.

— Даже не знаю, что меня уязвляет больше, — говорит он, расстегивая маленький кожаный футляр у пояса и вкладывая мне в руку пузырек с каплями. — То, что ты решила воспользоваться моими припасами без всякой вежливости, или то, что мне потом придется тащить тебя на себе. Только не говори потом, что я тебя не предупреждал. От этих капель зрение мылится, а ты и так слишком часто ими пользуешься. Еще немного, и начнешь спотыкаться о камни.

Не отвечая, я вынимаю пробку и капаю в глаза поочередно, терпя знакомое жжение, и мир тут же начинает слегка расплываться по краям. Я слишком давно живу с этим. Слишком часто прячу себя в этой маленькой человеческой лжи, и оттого особенно ясно чувствую, насколько мне надоело собственное притворство. Но несколько мгновений назад я ощутила чьи-то эмоции. И после века тишины это как глоток воздуха для того, кто давно привык дышать наполовину.

Я закупориваю пузырек и возвращаю его Ривену.

— Плевать на зрение, — говорю я, застегивая плащ выше к горлу и в последний раз проводя языком по пересохшим губам. — Я слишком долго не чувствовала ничего, кроме собственной пустоты, чтобы сейчас отступить из-за мутной картинки. Там, за этой стеной, он живой, и если мне придется ослепнуть окончательно, лишь бы добраться до него и убедиться, что я не схожу с ума, значит, так и будет.

Ривен смотрит на стену, потом на лес, потом снова на меня, и я вижу, как в нем борются две привычные силы, осторожность опытного зверя и то безрассудство, которое он сам ненавидит признавать в себе, но именно оно каждый раз толкает его туда, куда не стоило бы идти никому.

— Есть один проход, — произносит он после короткой паузы уже совсем другим тоном. — Каин в общем, нас с Селиной однажды вывели через одно место. Если ничего не перестро-

или, там все еще должен быть узкий служебный ход у старых хозяйственных стен, ближе к конюшням, за каменным выступом и навесом. Только я понятия не имею, что делать дальше, если мы действительно проберемся внутрь.

Я делаю шаг ближе и ловлю его взгляд до того, как он успевает увести его в сторону.

— Как только Адарис нас увидит, он не даст никому нас тронуть, — говорю я, и в собственном голосе слышу ту уверенность, которую уже давно не позволяла себе ни в чем, связанном с ним. — Да, я знаю, как это звучит, знаю, что для тебя это похоже на безумие, но я знаю его. И ты сам говорил, что лично знаком с нынешним королем. Разве нет? Значит, у нас хотя бы есть шанс не закончить все это на первом же повороте.

Ривен фыркает, покосившись на меня.

— Знаю я нынешнего короля, — отвечает он с усталой иронией. — Только отношения у нас, мягко говоря, не те, которыми стоило бы хвастаться перед стражей. Он не из тех людей, кто увидит меня и скажет, что вот наконец явился надежный союзник, которого нам так не хватало. Скорее наоборот. Но ладно. Раз уж пришли, умрем не трусами, а хотя бы с приличным выражением лица, чтобы потом не было стыдно перед собственной дуростью.

Он первым пригибается и быстрым жестом уводит меня глубже вдоль стены, туда, где камень местами пророс мхом, а низкий склон поднимается к старому хозяйственному двору. Я иду следом, стараясь ступать тише, хотя сама понимаю, что в таком состоянии меня сейчас выдает не шаг, а все тело сразу. Оно слишком напряженное, слишком натянутое этой невидимой нитью, которая тянет вперед и не дает ни на мгновение забыть, зачем мы здесь.

Ривен останавливается у темного провала между каменными выступами, отводит рукой нависшие ветви и показывает мне узкий проход, скрытый за старой кладкой, где когда-то, должно быть, таскали воду, носили припасы или проходили во двор незаметно от чужих глаз.

— Вот, — шепчет он, опуская голос. — Ведет к внутреннему проходу у конюшен. Дальше уже как повезет, а с нашим везением я бы заранее ни на что не рассчитывал.

Я уже собираюсь спросить о том, что мы будем делать потом, когда до нас доносится звук. Сначала сбивчивые шаги, затем приглушенный окрик, еще один, и следом напряженные голоса, рвущиеся между камнем и двором. Мы оба замираем одновременно. Ривен мгновенно поднимает ладонь, приказывая мне молчать, и сам подается вперед, выглядывая из-за края стены. Я тожедвигаюсь за ним, не слушая ни осторожности, ни рассудка, и в следующую секунду вижу, как из глубины двора, в сторону конюшен, идут люди.

Впереди идет мужчина в короне, молодой для короля и слишком измученный для этого утра. Одной рукой он придерживает девушку в алом плаще, а другой то и дело оборачивается по сторонам. Возле них торопится еще одна девушка, с лохматыми косами и в платье, слишком длинном для быстрого шага, из-за чего подол путается у нее в ногах.

Позади идут стражники.

Между ними ведут двух мужчин.

Первый темноволосый, со связанными за спиной руками. Даже отсюда вижу, как его буквально трясет от сдерживаемой злости. Второй смертельно бледный, изломанный на вид, с лицом, которого я не видела век и все равно узнаю прежде, чем успеваю сделать вдох.

Адарис.

Он живой.

Он здесь.

Мысль врзается в меня, как удар под ребра. Я вижу его упрямый наклон головы, видно, что даже слабость не способна заставить его склониться, и в ту же секунду замечаю грубый жест одного из стражников, подталкивающего его вперед. У меня перехватывает дыхание так резко, что мир на миг темнеет по краям.

Я хватаюсь за камень, чтобы не рвануться сразу, не выдать нас одним движением.

Адарис. Он связан. Почему?

Ривен, увидев выражение моего лица, переводит взгляд обратно на двор и беззвучно выдыхает сквозь зубы.

— Видимо, возрождение твоего принца приняли не с почестями. Только не вздумай сейчас броситься туда с криком, Элария. Я знаю это лицо. Ты уже решила. Но если рванешь бездумно, нас скрутят раньше, чем он успеет понять, кто ты такая.

Последние его слова проходят мимо меня, потому что впереди Адарис резко поворачивает голову, словно что-то внутри заставило его сделать это. Он еще не видит меня, но уже чувствует. А потом он дергается всем телом вперед, вырываясь из рук державших его людей.

— Элария! — кричит он. — Проклятие, я чувствую ее, я знаю, что она здесь. Элария!

Один из стражников, не понимая, что происходит, хватается за плечо, пытаюсь дернуть назад, но Адарис в ответ всаживает ему каблук в голень так зло и точно, что тот сдавленно ругается и отшатывается, теряя на мгновение хватку.

Я больше не в силах удерживать свое тело, срываюсь с места.

Ни Ривен, ни здравый смысл, ни стена, ни стража уже не существуют. Я просто бегу, чувствуя, как все вокруг расплывается, сжимаясь до одной-единственной фигуры впереди. Высокий, осунувшийся, с темными волосами, спутанными и падающими на лоб, в остатках какой-то старой, истлевшей одежды, он выглядит так, будто его только что вырвали не из могилы даже, а из самого сердца кошмара. И все равно для меня он сейчас прекраснее всего, что я видела за сто с лишним лет.

— Адарис

Он тоже рвется всем телом ко мне, со связанными за спиной руками, почти падая, но все равно идет. Еще мгновение, и я уже перед ним, поднимаю руки, хватаюсь за его лицо, за его щеки, за виски. Мне мало просто видеть, я должна убедиться пальцами, кожей, каждым движением, что он не рассыплется у меня на глазах в прах и не исчезнет снова.

Он вздрагивает от моего прикосновения.

— Ты живая. Ты правда живая.

Адарис подается ко мне, бессильный в этой своей связанности.

— Элария Проклятие, стой ближе. Я даже коснуться тебя не могу.

Я придвигаюсь еще ближе, и теперь весь мир окончательно стирается. Я не знаю этих людей. Не знаю, кто женщина в алом плаще, кто незнакомка с косами и слишком внимательным

взглядом, кто темноволосый мужчина рядом. Все это пустое. Есть только мой Адарис передо мной, слишком невозможный.

И именно в этот момент стражник, оправившись от удара, грубо хватается Адариса за плечо и тянет назад, другой уже подходит с другой стороны, явно намереваясь увести его дальше, не давая приблизиться ко мне. Адарис мгновенно рвется, готовый разнести весь двор одними зубами и яростью.

— Убери от меня руки! И развяжите меня. Сейчас же! — бросает он.

Меня тоже хватают, и от неожиданности я едва не теряю равновесие. Я резко оборачиваюсь, и передо мной оказывается высокий мужчина с золотой короной на голове. Король.

— Отпусти меня, — шиплю я, вырывая руку, но хватка только усиливается.

— С удовольствием бы, — отрезает он, — если бы здесь хоть кто-то вел себя так, будто не решил свести меня с ума за одно утро.

Адарис видит это и буквально звереет.

— Убери от нее руки! Ты вообще понимаешь, кого держишь, жалкий идиот?

Во дворе в этот миг начинается настоящий разлом. Девушка в аллом плаще уже стоит рядом с королем, готовая в любую секунду подхватить его. Стражники пытаются удержать Адариса. Я рвусь из крепкой хватки. Кто-то что-то требует. Кто-то окликает.

И именно тогда из-за угла, наконец перестав скрываться, выходит Ривен.

Он появляется быстро. Как всегда, безо всякой торжественности, просто оказывается в самом центре хаоса с тем взглядом, в котором уже заранее написано, что он ненавидит все происходящее, но все равно пришел.

Второй мужчина, тот что связан, с темными глазами резко поднимает голову и замирает на мгновение, вглядываясь в Ривена так, как если бы увидел перед собой еще одну невозможность.

— Ты же Селина говорила, что ты умер, спасая ее, — произносит он.

Ривен бросает на него короткий взгляд, слишком спокойный для того безумия, которое творится вокруг.

— Как видишь, слухи о моей смерти слегка преувеличили, — отвечает он, проходя еще на шаг вперед и окидывая двор, оценивая, кого тут бить первым, если все окончательно покажется в пропасть.

Король, все еще держащий меня, смотрит теперь на него так, словно ему хочется сразу рассмеяться, выругаться и рухнуть лицом в землю.

— Нет, подожди, — говорит он в отчаянии. — То есть это еще и ты? Да вы издеваетесь. Девушка касается его плеча, удерживая от срыва.

— Теоден, дыши. — произносит она тихо, но твердо.

Я снова дергаюсь вперед, и в этот раз из-под плаща у меня срывается сумка. Она тяжело падает на каменную дорожку, застежка не выдерживает, и изнутри вместе с несколькими мелкими вещами вываливается книга, вспыхивая в сером дворе так, что даже я сама на мгновение цепенею.

Девушка с косами замечает ее, быстро наклоняется и поднимает обеими руками. На ее лице появляется такое потрясенное восхищение, словно вокруг нас никто никого не рвет, а к ней в руки попало самое драгоценное, что она могла увидеть в жизни.

— Не трогай. Положи на место, — вырывается у меня мгновенно.

Но она, кажется, даже не слышит. Пальцы ее уже скользят по переплету с той бережностью, с какой прикасаются к чуду, а ее зеленые глаза вспыхивают жадным, болезненным интересом.

— Это же великолепно, — выдыхает она дрожащим от восторга голосом. — Такая древняя ей, должно быть, около тысячи лет.

Я замираю на полувдохе, даже перестав вырываться.

— Ты понимаешь, что это за книга? — спрашиваю резко, впиваясь в нее взглядом.

Она поднимает на меня глаза, все еще держа бурый том у самой груди, и уже открывает рот, чтобы ответить, но король в этот миг наконец срывается раньше всех слов. Он делает шаг вперед, поднимает руку так резко, что замирают все даже стражники.

— Все. Хватит. Замолчали все, — говорит он с глухой яростью человека, которого допекли до предела. — Никто никуда больше не рвется, никого не трогает, не развязывает, не хватается и не орет, пока я не пойму, что происходит в моем дворе. Потому что у меня тут воскресший кузен, второй воскресший незнакомец, еще одна рыжеволосая напасть из прошлого, книга старше половины этого замка и стража, которая вот-вот начнет молиться Всевышнему на рабочем месте. Так что все уgomонились. Сейчас. Или я сам начну связывать оставшихся!

И в ту же секунду девушка в алом плаще вдруг резко бледнеет, будто из нее одним движением вытянули все краски. Она пошатывается, на миг закрывая глаза, и Теоден, до этого державшийся на одном упрямстве и злости, мгновенно меняется в лице, забывая и про меня, и про Адариса, и про книгу в руках девушки.

— Эрис, — бросает он уже совсем другим голосом, быстро подходя к ней и подхватывая под локоть, не давая осесть на землю. — Что с тобой?

Она моргает несколько раз, явно пытаясь собраться, и слабо качает головой, одной рукой цепляясь за его рукав, а другой прижимая ладонь к груди.

— Ничего, — произносит она тихо. — Просто просто как-то нехорошо мне, Тео. Наверное, голова. Слишком много всего сразу.

Король смотрит на нее напряженно, потом резко вскидывает голову к стражникам.

— Ты, — бросает он одному из тех, кто держит второго связанного мужчину. — Оставь его и отведи ее во дворец. Немедленно. К лекарю, в покои, куда угодно, только быстро.

Стражник явно колеблется, бросая взгляд то на меня, то на Адариса, то на связанного мужчину, не понимая, кого из воскресших кошмаров опаснее отпускать, но потом все-таки отпускает пленника и быстро подходит к Эрис. Король сам передает ему ее неохотно, все еще придерживая за плечо лишнюю секунду, и я вижу по его лицу, что он уже на пределе.

Девушку уводят, та, что с косами все еще стоит с книгой, прижимая ее к груди, боясь, что у нее ее сейчас вырвут, Адарис тяжело дышит, не сводя с меня взгляда, Ривен молчит, настороженно следя за каждым движением стражи, а второй пленный смотрит на все это с такой ледяной яростью, что достаточно одной искры, чтобы двор снова взорвался.

Король медленно проводит ладонью по лицу, глядя на весь этот развалившийся на части день. Похоже, утро только началось, а его королевство уже решило проверить, сколько именно безумия способен выдержать один живой человек.

Глава 7

Сарай у конюшни оказывается тесным и пахнувшим старым сеном, сырой доской и лошадьми, которых держат через перегородку. Сидя у стены со связанными за спиной руками, я думаю о том, что Теоден, конечно, не придумал ничего лучше, чем спрятать нас здесь. Словно охапка гнилой соломы и криво прибитая дверь способны удержать то безумие, которое уже случилось. Впрочем, я не виню его за этот жалкий выбор, потому что и сам не знаю, как объяснить бы своим людям, почему в королевстве за один день ожили сразу двое Эрданов.

Меня еще помнят. Стоит кому-то из стражи, слуг или городских людей увидеть меня при свете дня, и по столице слух разрастется быстрее пожара. С Адарисом все проще, его могут узнать разве что те, кто когда-то видел старые изображения Дариана и слишком хорошо умеет замечать семейное сходство.

Сейчас Адарис сидит слишком прямо для человека, который едва держался на ногах еще совсем недавно, и все равно видно, как тяжело ему дается это упрямое достоинство. Он похож на старую статую, которую кто-то расколол, а потом зачем-то заставил снова стоять.

Элария, сидящая рядом с ним, рассказывает о том, что произошло после его смерти, о том, как Дариан Эрдан симитировал собственное воскрешение, убив брата-близнеца и показав народу тело Адариса как свое, а потом заставил Эларию придумать объяснение чуду, которого не было. Легенда о слезе. Та самая. Старое красивое вранье, которое повторяли из года в год.

Я слышу ее и чувствую, как внутри поднимается не просто злость, а что-то грязнее, почти стыд, потому что мне сразу вспоминается отец, его разговоры, поиски, пытки, все те эриды, которых мы ломали ради этих проклятых слез. И все это из-за одного человека, решившего расторгнуть союз с эридами так жестоко, что пришлось превратить убийство в чудо, а ложь в священное предание.

Селина тоже стала жертвой этой одной большой лжи. Потому что и я сначала смотрел на нее как на средство, за которое можно ухватиться, чтобы вырвать отца у смерти. Да, потом все изменилось. Да, я полюбил ее так, как уже не умел любить ничего в этой жизни. Но это не стирает того, что и я стою в ряду вместе с теми, кто когда-то поверил в сказку о чуде. Мне хочется рассмеяться от этой горькой ясности, но смех застревает в горле, превращаясь в короткий сухой выдох. Какая безупречная семейная традиция. Один Эрдан убивает брата и делает из этого легенду, другой поднимает королевство на охоту за чудом, третий тащит эриду в плен ради спасения отца, а потом удивляется, что мир в ответ ломается окончательно.

Адарис что-то резко бросает. Веревка скрипит, когда он дергает связанными руками, и Элария рассказывает ему уже об обряде слияния, о каких-то трех печатях, о том, как они прошли его неосознанно, и потому теперь чувствуют друг друга.

Чувствовать друг друга. Знать направление.

Я сжимаю пальцы, насколько позволяют веревки. Мы с Селиной не проходили никакого обряда и все же я тоже чувствую ее. Даже сейчас. Сквозь боль, сквозь стены сарая и весь этот проклятый мир я ощущаю тонкую нить, и она тянется в одном направлении. В сторону Луциора. Туда, где на дне ледяного озера лежит ее тело.

Я закрываю глаза, медленно выдыхая, давая этой ясности закрепиться, и понимаю, раз я здесь, значит, сделаю то, что должен. Я отправлюсь в Луциор, достану ее тело из этой черной воды, которая не должна была стать ее могилой, и положу рядом с собой. Там, где ей место. А дальше не важно, каким будет конец. Яд, если он окажется под рукой быстрее. Кинжал, если нет. Может быть, меч, если придется, мне все равно. Я не собираюсь задерживаться здесь. Я вернусь к ней. Вернусь туда, где она ждет.

— Та девушка во дворе Та что подняла книгу.

Слова Элэрии резко вырывают меня из мыслей, и я не сразу понимаю, что она обращается уже ко мне.

— Это Велла, — говорю я, поднимая на нее глаза. — Ее зовут Велла Линд.

— Велла, — повторяет она. — Эта девушка что-то знает о книге. Я это видела. Может, она сможет ее перевести?

Я хмурюсь, уже не от усталости, а от внезапной настороженности.

— Что это за книга?

Элэрия несколько мгновений смотрит на меня, с осторожностью, решая, можно ли мне это доверять.

— Мы нашли ее в одной из пещер в Луциоре. — начинает она неуверенно, уводя взгляд в сторону. — И предположили, что это дневник или просто записи кого-то, кто жил в то время. В ней может быть описано, как эриды существовали раньше без человеческого имфириона.

Ривен, до этого молчавший с выражением полного равнодушия к нашим разговорам, тихо усмехается, откидывая голову к стене.

— Вы, наверное, просто хотели увидеть в этой книге то, что вам удобно, — произносит он с усталым скепсисом, который у него звучит как врожденный инстинкт. — Такое вообще часто бывает. Находишь старую дрянь, смотришь на нее с благоговением и заранее решаешь, что внутри обязательно спрятан ответ на все твои беды. А потом открываешь и выясняется, что какой-нибудь древний зануда триста страниц подряд жаловался на погоду, скверный нрав соседа и то, как трудно жить среди идиотов. Так что я бы не спешил возлагать на нее слишком много надежд. Обычно вещи, от которых все ждут спасения, оказываются куда более мерзкими и бесполезными.

На него оборачиваются все сразу. Даже я. Несколько мгновений в сарае стоит тишина, в которой каждый пытается решить стоит ли искать в его словах логику.

— Велла, дочь придворного архивариуса, — наконец говорю я не обращая внимание на слова Ривена. — Она все детство провела среди древних бумаг, свитков и родовых записей. Если кто-то и может понять, что это за книга, насколько она подлинная и с чего вообще начать ее разбирать, то это она.

— Если там действительно может быть описано что-то подобное, — произносит Адарис, поддаваясь вперед, — значит, нужно заставить ее перевести.

Я не удерживаюсь, чтобы не посмотреть на него с удивлением.

— Заставить? — переспрашиваю я. — У тебя других методов решать вопросы нет?

Он вскидывает подбородок, и в тусклом свете сарая на его лице проступает то высокомерное раздражение, которое, наверное, сводило с ума каждого, кто имел несчастье спорить с ним в его прежней жизни.

— Когда дело важное, — отвечает он с сухой резкостью, — обычно берут то, что нужно, а не тратят время на уговоры. Я пролежал в могиле больше века, очнулся среди незнакомых лиц, узнал, что мое имя стерли, мою смерть превратили в лживую легенду, а теперь ты предлагаешь мне церемониться с какой-то девочкой, потому что так благороднее? Нет. Если она знает, как прочесть книгу, она будет читать. Добровольно или нет. Меня мало волнует, насколько мягко это будет выглядеть со стороны.

Я качаю головой.

— Есть более действенные способы. Убедить, например.

Он усмехается уголком рта.

— Убедить?

— Да, — отвечаю я. — Представь себе, такое иногда работает. А вообще, Веллу даже уговаривать не придется. Она любит старые книги слишком сильно, чтобы упускать такую возможность. Именно из-за этой ее тяги к древностям она и нашла способ вернуть меня из-за

Грани. Если у нее действительно вышло такое, я совсем не удивлюсь, если в этой книге и правда окажется что-то похожее на то, о чем ты думаешь, эрида.

Ривен поворачивается в мою сторону, и в этот раз в его лице меньше насмешки, чем раньше.

— Это все, конечно, очень хорошо, — говорит он, растягивая слова, — древние книги, девчонка с любовью к пыли, тайны прошлого. Но вы правда думаете, что книга сейчас важнее того, что твой брат не знаю, как тебя вообще теперь называть, человек. Король. Принц. Воскресший покойник. В общем, твой брат обезумел и запер нас здесь.

Я смотрю на него, не находя ответа сразу, потому что сам еще не понимаю, во что это все выльется. Какое решение примет Теоден, когда перестанет прятаться за этой жалкой паузой. Не знаю, что он сделает, но я точно знаю, что не собираюсь сидеть здесь и ждать, пока он решит, что с нами делать. У меня нет на это времени. Пока я сижу здесь, связанный и бесполезный — Селина одна. Там. За Гранью. И я не позволю этому длиться дольше, чем уже длится.

— Теоден не обезумел, — говорю я наконец. — Он просто делает то, что умеет. Хватает, прячет, тянет время, надеясь, что за это время появится решение. Иногда это даже работает.

— А сейчас? Работает? — спрашивает Ривен.

— Сейчас нет.

— Тогда, может быть, начнем думать не о том, как древняя книжка объяснит вам прошлое, а о том, как нам выбраться отсюда до того, как твой осторожный брат решит, что самый надежный способ сохранить тайну — это прикопать нас где-нибудь под стеной, — продолжает он. — Нас связали. Заперли. Охрану наверняка поставили. А снаружи целый дворец людей, которым не нужно много причин, чтобы снова начать резать эридов, если слухи пойдут не в ту сторону.

— Он прав, — произносит Элария. — Нам нужно думать, как выбраться. Он ваш родственник, — она поднимает на меня взгляд, — возможно, с вами он ничего и не сделает. Найдет способ оправдать, объяснить, спрятать. Но нас с Ривеном он не пощадит.

— Король не посмеет тебя тронуть, — резко влезает Адарис, поворачиваясь к ней всем телом, насколько позволяют веревки. — Элария, я не позволю этого. Не после всего. Не после того, как я снова нашел тебя спустя столько лет, спустя — он на мгновение сбивается, не в состоянии до конца произнести эту пропасть времени, — я не отдам тебя ему. Никому.

Он сжимает руки, и веревка скрипит, впиваясь в кожу, но он не замечает этого.

— Если он хоть попытается я остановлю его.

Я уже собираюсь вставить слово, когда из темного прямоугольника под самым потолком доносится шорох. Все головы в сарае поворачиваются туда одновременно. Сначала я вижу только тонкую тень, явно не мужскую, потом край юбки, ладонь на раме, и в следующее мгновение в окно, слишком узкое и неудобное для любого разумного проникновения, осторожно, но уверенно перебирается Велла.

Она двигается неуклюже лишь секунду, пока ищет ногой опору на перекладине, затем мягко спрыгивает вниз, выпрямляется, поправляет выбившуюся из косы прядь и, словно совершенно не замечая абсурдности своего появления, переводит на нас спокойный внимательный взгляд.

Я смотрю на нее несколько мгновений и не удерживаюсь от горькой усмешки.

— Это то, о чем я говорил любительница древних фолиантов явилась за книгой.

Велла не спешит отвечать на мою колкость, подходит ближе, и в полумраке сарая ее зеленые глаза горят тем самым лихорадочным интересом, который я слишком хорошо помню. Платье на ней простое, темное, на плечи наброшен плащ, волосы заплетены в сложные косы, и весь ее вид мог бы показаться кротким, если бы я не знал, насколько опасно для всех вокруг становится это ее спокойствие, когда рядом оказывается древняя тайна, запретный текст или давно умерший человек из ее прошлого, которого она решила вернуть.

Она останавливается прямо передо мной, опуская взгляд, и на мгновение в ее лице проступает то, что может увидеть только тот, кто слишком давно ее знает, почти болезненная нежность, от которой мне вдруг становится тяжелее, чем от всех веревок сразу.

— Я действительно слишком люблю все древнее, — произносит она с мягкой улыбкой. — Рада, что ты запомнил этот факт обо мне, Каин.

— Ты знаешь, на каком языке написана книга? — быстро спрашивает Элария.

Велла переводит на нее взгляд и качает головой.

— Сам язык я не знаю.

Ривен тут же тихо цыкает, откидываясь затылком на доски.

— Ну конечно. Иначе было бы слишком удобно. Девушка влезает в окно посреди ночи, приносит спасение, открывает древнюю книгу, читает вслух истину мира, и все счастливо расходится по домам. Я уже почти поверил в эту сказку.

Велла даже не смотрит на него.

— Но я знаю того, кто знает, — говорит она, и только после этого в сарае снова становится по-настоящему тихо.

Я прищуриваюсь, вглядываясь в ее лицо, стараясь понять, где здесь заканчивается ее обычная одержимость и начинается что-то иное, более опасное.

— Ты пришла сюда ради книги?

Она наконец смотрит прямо на меня.

— Не только. Я бы с радостью вытащила отсюда всех, если бы это было возможно. Но вы, — она обводит взглядом меня, Ривена и Адариса, — в это окно не пролезете. За дверью стража. И даже если бы вам удалось выйти, побег троих мужчин, двое из которых выглядят так, что их невозможно не заметить, увидит весь двор. Спрятать вас сейчас не выйдет.

Она поворачивает голову к Эларии и указывает на нее подбородком.

— А вот она Теодену не нужна. Не так, как вы. Я заберу ее. Потом вернусь за вами.

— Нет, — отрезает Адарис так резко, что слово почти звенит в холодном воздухе сарая. — Я ее никуда с тобой не отпущу.

Велла переводит на него взгляд без всякого раздражения, но в этом спокойствии есть что-то неприятное, она явно уже давно решила, что будет делать, и чужое несогласие для нее просто часть шума.

— У тебя нет выбора.

— Есть, — бросает он. — Эларии нужен имфирион. Она не может просто уйти куда-то. Она не возьмет его у тебя. И не у всякого другого.

— Туда, куда мы пойдем, — отвечает Велла, — имфириона будет предостаточно для нее.

На этом я уже поднимаю голову по-настоящему настороженно. Она говорит так, будто подготовила не просто побег, а целый маршрут, и от этого мне становится не по себе.

— Для чего ты помогаешь? — спрашиваю я, не отводя от нее взгляда.

Велла смотрит на меня долго, и в ее лице, как всегда, почти ничего нельзя прочесть, кроме этой тихой сосредоточенности.

— Ты знаешь ответ, — говорит она. — Мне интересна книга.

Я усмехаюсь одними губами, хотя веселого в этом нет ничего.

— А меня? — спрашиваю я. — Зачем ты вернула меня?

На этот раз она молчит дольше. Ее зеленые глаза темнеют, и я почти жалею, что спросил, потому что и сам прекрасно знаю, какой ответ услышу, если она решит быть честной до конца.

— Ты знаешь ответ на этот вопрос, Каин. Зачем спрашиваешь?

Она опускается на колени перед Эларией и начинает уверенно распутывать веревку на ее запястьях, работая маленьким ножом так ловко, будто делала это уже не раз. Элария терпеливо ждет, хотя вся в напряжении, и стоит последней петле ослабнуть, как она сразу поднимается и

бежит к своей сумке, брошенной в сене у стены. Падает рядом на колени, лихорадочно роется внутри, и только когда пальцы нащупывают нужное, выдыхает тише.

Книга на месте.

Велла подходит ближе и смотрит на нее уже без всякой попытки скрыть интерес. В ее лице снова появляется тот самый голодный блеск, как у человека, который слишком долго искал нечто невозможное и вдруг видит его перед собой.

— Дай посмотреть, — произносит она вполголоса.

Но прежде чем Элария успевает ответить, Адарис резко подается вперед, насколько позволяют веревки.

— Ты же не уйдешь без меня, Элария?

— Король ничего с тобой не сделает, — говорит она быстро, подходя ближе. — По крайней мере не сейчас. Ты для него слишком непонятен, чтобы просто избавиться от тебя сгоряча. А ответ из этой книги может помочь всем. И людям, и эридам. Ты понимаешь это не хуже меня.

Адарис смотрит на нее так, будто слышит не разумные слова, а предательство.

— Я только обрел тебя.

— И именно поэтому должен понять, что я не могу сидеть здесь и ждать, — отвечает она уже мягче, но не отступает. — Если я останусь с вами, это ничего не решит. Ничего. Мы просто потеряем время. А если в этой книге действительно есть хоть что-то о прошлом эридов, о том, как они... мы жили раньше, без той зависимости, что существует теперь, то это меняет все. Для вас. Для нас. Для мира за этими стенами. Я должна пойти.

Он качает головой, не желая принимать.

— Я не доверяю ей.

Велла на это только приподнимает бровь, но молчит.

— А я не прошу тебя доверять, — отвечает Элария. — Я прошу дать мне сделать то, что нужно.

Велла выпрямляется и убирает нож.

— Я вернусь, — повторяет она, глядя уже на меня. — Как только смогу.

— Куда вы пойдете? — спрашиваю я сразу. — На случай, если вас придется искать.

Велла на мгновение замирает. Элария тоже перестает двигаться, все еще прижимая к себе сумку с книгой. Даже Ривен перестает ухмыляться.

В сарае становится так тихо, что слышно, как за стеной переступает копытами лошадь.

Потом Велла смотрит прямо на меня.

— К Рогнару Мару.

Глава 8

Элария

Ночь ложится на Калдор, скрывая нас черной пеленой, но мне от этого не легче, потому что даже сейчас в темноте я все еще рискую встретиться взглядом со стражником или редким прохожим возвращающимся домой из трактира.

И несмотря на то, что глаза мои сейчас черные под действием настойки, я все равно не могу идти спокойно по улицам этого города. Больше сотни лет я не была здесь, и за это время слишком многое изменилось до неузнаваемости. Где раньше улица уходила мягким изгибом к лавкам, теперь стоит каменная стена нового двора, где был низкий дом с резными ставнями, вырос двухэтажный, с массивной крышей и непривычно широким крыльцом, а там, где в памяти у меня всегда тянулся узкий проход между садами, теперь лежит ровная выложенная дорога, по которой удобно везти телеги.

Велла идет быстрым шагом, но по тому, как она то и дело сжимает пальцы на краю плаща, как слишком отрывисто поворачивает голову на каждый звук, я понимаю, что она напряжена до предела. Конечно, напряжена. Если их король узнает, что она вытащила меня у него из-под носа, ей это дорого обойдется. Но все же она идет, не останавливаясь, и от этой упрямой человеческой храбрости у меня внутри поднимается странное чувство, в котором смешиваются благодарность и недоумение, потому что я до сих пор не понимаю, зачем она так легко связалась помочь мне.

У поворота к южным воротам Велла резко сворачивает с главной улицы в сторону стоянки, где под навесом дремлют телеги. Я сначала думаю, что она хочет обойти патруль, но она уже уверенно идет к широкоплечему мужчине в грубом дорожном плаще, который, привалившись к колесу, жует что-то, и лениво поглаживает серую лошадь по шее. Услышав шаги, он поднимает голову, проводит взглядом по нам обеим, задерживается на моем лице чуть дольше, чем мне нравится, и медленно выпрямляется, поправляя ремень на поясе.

— Нам нужно в Долкар, сейчас же, — требует Велла, протягивая ему монету. — Быстрая дорога, без лишних остановок, без разговоров с постами, и так, чтобы к рассвету мы уже были у северной окраины. Заплачу вдвое, если довезешь молча.

Мужчина принимает монету, перекатывает ее между пальцами, и медленно кивает, принимая решение без лишней суеты, словно такие ночные поездки для него обычное дело.

— В Долкар так в Долкар, госпожа, — произносит он, уже обходя телегу и проверяя упряжь ловкими сильными руками. — Дорога сухая, лошади свежие, за пару часов доберемся, если стража у ворот не начнет задавать лишнего. Сядете тихо, лиц не светите, и тогда доедем без приключений. Меня зовут Матис.

Я замираю, чувствуя, как внутри все на мгновение стягивается в тугий узел. Долкар. Это слово звучит так буднично из его уст, будто речь идет о соседней улице, а не о месте, куда меня сейчас уведут все дальше от Адариса, которого я только обрела после целой вечности. Я перевожу взгляд на Веллу, и она уже успевает шагнуть к телеге, словно для нее здесь все ясно, кроме моего промедления.

— Я думала, Рогнар Мар живет в Калдоре, — говорю я, подходя ближе и стараясь, чтобы голос звучал спокойно, хотя внутри уже поднимается беспокойство.

— Рогнар давно живет в Долкаре. Всего пара часов пути. — отвечает Велла, поправляя выбившуюся прядь и быстро оглядывая темный переулок за моей спиной.

Сжимаю пальцы на краю плаща. Пара часов звучит почти смешно по меркам века, который у меня украли, и все же именно сейчас эта дорога кажется слишком длинной. За эти часы я окажусь далеко от Адариса, а он останется там, связанный, злой, только-только вернувшийся ко мне из смерти и снова оставленный мною ради того, что пока существует лишь как хрупкая надежда, спрятанная в старой книге.

Отвожу взгляд на кучера, который уже затягивает ремни и тихо ворчит на одну из кобыл, похлопывая ее по крупу. В груди поднимается сопротивление, как инстинкт, тянущий меня обратно, в сарай, к Адарису. Но отступать уже некуда. Книга со мной. Велла готова вести. Ночь пока держит нас под своим покровом. Я медленно выдыхаю, собирая себя из тревоги, вины и растерянности, потом подхватываю сумку крепче и забираюсь в телегу.

Велла садится рядом, Матис щелкает языком, лошади тянут вперед, колеса мягко вздрагивают на первых камнях, и Калдор медленно начинает отплывать назад, растворяясь в ночи.

— Ему можно доверять? — запоздало спрашиваю я, не сводя взгляда с дома алхимика. Ведь я эрида, и я понятия не имею, как он отреагирует, когда увидит меня здесь, на собственном пороге. Еще и время позднее, почти неприличное для визита, но Велла, кажется, знает, что делает, потому что вместо передней двери уверенно ведет меня через задний двор, и останавливается у черного входа.

Она стучит три раза в дверь и наклоняет голову, прислушиваясь, не раздастся ли шагов внутри.

— Рогнар, может быть, не самый благородный человек в Веларроне, и даже не самый приятный, но знает, что делает. Если он заинтересуется, а я уверена, что да, он согласится помочь. И даже платы за это не потребует.

Я смотрю ей в затылок, на сложные косы, на выбившуюся прядь у виска, и хмурюсь сильнее.

— Почему?

Велла снова стучит в дверь, теперь громче, и на этот раз в стуче уже слышится нетерпение. Потом выдыхает, бросая взгляд на темные окна.

— Он очень долгое время изучал таких, как ты. Половину жизни, если не больше. Это друг моего отца. И о вашей природе он знает больше любого человека в Веларроне. Может быть, больше, чем кто-либо вообще из живущих.

Замечательно, думаю я, чувствуя, как внутри медленно поднимается холодное, вязкое раздражение. Изучал таких как я. Интересно, каким именно образом? И что ему мешает сделать со мной то же самое, если он увидит во мне удобный случай, который сам пришел к нему на порог добровольно?

Имя Рогнара Мара не говорит мне ничего, кроме того, как на него отреагировал Ривен, а этого уже вполне достаточно, чтобы не ждать от встречи ничего приятного. И все же я пришла сюда не за тем, чтобы доверять ему или не доверять, а за тем, чтобы получить ответ, и мне безразлично, насколько он мерзок, насколько неудобен и сколько в нем человеческой гнили. Главное, чтобы взамен он не потребовал с меня того, чего у меня нет. А у меня действительно нет почти ничего. Только эта книга, пять фриалов с запасом имфириона, да несколько бутыльков с настойкой для глаз, которые отдал мне Ривен перед уходом.

Велла снова стучит, уже настойчивее. Я перевожу взгляд с двери на ее пальцы, которые она уже не раз сжимала и разжимала за этот путь, и, подавшись вперед, все же задаю вопрос, который не дает мне покоя с самого начала.

— А ты? Почему ты мне помогаешь?

Я не свожу с нее глаз, потому что этот вопрос давно уже сидит во мне занозой, и чем дольше мы ждем у двери человека, который половину жизни изучал таких, как я, тем сильнее мне хочется понять, что движет самой Веллой, зачем ей тащить меня через ночной Веларрон, рискуя головой.

— Я же говорила, — отвечает она, не отрывая взгляда от двери, — я люблю все древнее, а еще мне любопытно, что может быть написано в этой книге, учитывая, что она написана на Риен-даре.

Я моргаю, не сразу понимая, о чем она говорит.

— На чем?

— Ты не знаешь язык собственного народа? — спрашивает она с удивлением.

— Нет, — отвечаю, ощущая, как нелепо и сухо звучит это короткое слово.

Велла морщит лоб, явно пытаюсь понять, шучу я или нет, потом качает головой и тихо выдыхает.

— Ты эрида, и ты должна знать такие вещи. Вы ведь не всегда были среди людей. Логично, что у вас был собственный язык, на котором вы говорили между собой, до того как начали жить с нами.

Конечно я понимаю, что книга написана на древнем языке, но даже не знаю его названия, и это звучит глупо: человек знает, а я, эрида, не знаю такой простой вещи о своем народе.

Я смутно помню, как в Ордонансе нас учили истории, но почти все, о чем нам говорили, было связано с людьми, с их королями, войнами, союзами, с тем, как мы пришли к ним и какое место заняли рядом, а не с тем, чем мы были до этого. Нам говорили, что эриды вышли к людям во время войны, что мы сами втянули себя в их конфликт. Нам рассказывали о Халевире Эрдане, о том, как мы помогли ему одержать победу и создать Веларрон. На этом все обрывалось, потому что дальше начиналась уже привычная история о службе, порядке и долге, в которой не было места вопросам о том, куда делась наша прежняя жизнь, была ли она вообще и почему о ней никто никогда не говорил.

Велла снова поднимает руку, собираясь постучать еще раз, но стук уже не успевает сорваться с ее пальцев, потому что дверь открывается и на пороге в полосе тусклого света возникает высокий худой мужчина в наспех накинута темной мантии.

Он сутулится сильнее, чем должен человек его роста, будто годы провел не за столом даже, а под тяжестью собственных мыслей. Лицо у него вытянутое, изрезанное морщинами, волосы седые, и торчат в беспорядке, а длинные пальцы, лежащие на дверном косяке, испачканы чем-то темным, похожим то ли на сажу, то ли на засохший настой.

Он шурится спросонья, переводя взгляд с Веллы на меня, и сон быстро сходит с его лица.

— Велла Линд, — произносит он хрипло, еще не до конца выпрямившись. — Если ты являешься ко мне в такой час, значит, либо королевский дворец наконец сгорел, либо ты принесла что-то, ради чего стоило меня разбудить.

Его взгляд снова падает на меня, теперь уже пристальнее, слишком пристальнее, задерживается на моем лице, на волосах, на глазах.

Велла делает шаг вперед.

— Нам нужна ваша помощь. У нас есть кое-что, что вас заинтересует, что-то очень редкое.

Я стою молча, ощущая на себе его взгляд, и за это короткое мгновение успеваю подумать, что, может быть, еще можно не произносить вслух, кто я такая, потому что сейчас во мне действительно нет ничего, что сразу выдавало бы эриду, глаза затемнены настойкой, лицо скрывает тень капюшон, волосы рыжие, и только холод кожи может предать меня, если он вдруг решит коснуться моей руки. Но мысль эта кажется мне слишком наивной для человека, который, по словам Веллы, изучал таких как я большую часть жизни, и, наверное, уже не глазами распознает нас, а каким-то другим, выработанным годами чутьем.

Рогнар смотрит долго, а потом медленно кивает внутрь дома, отступая с порога.

— Заходите. Не люблю обсуждать редкости на сквозняке.

Велла проходит первой, и я, задержавшись на мгновение у порога, все же вхожу следом. Дом тут же смыкается вокруг меня плотным, тяжелым теплом, в котором смешиваются запахи сушеных трав, горячего воска, старой бумаги, золы и чего-то горького, лекарственного, въевшегося, кажется, даже в стены. Здесь тесно от вещей, потому что вдоль стен тянутся полки, заставленные склянками с мутными настоями, коробами, мешочками, свертками, на столе под лампой лежат раскрытые книги, медные щипцы, ножи, ступка с темным порошком, у дальнего окна висит связка сушеных корней, а у очага стоит низкое кресло, заваленное бумагами так, будто хозяин давно уже перестал делить дом на место для жизни и место для работы. Ничего уютного в этом нет, но все в нем дышит привычкой к уединению и многолетнему труду, и я сразу понимаю, что этот человек живет среди своих опытов дольше, чем среди людей.

Рогнар закрывает за нами дверь, задвигает тяжелый засов и только после этого проходит к столу, зажигает еще одну лампу, и теплый дрожащий свет ложится на его лицо, вытягивая морщины.

— Теперь, — произносит он, опираясь длинными пальцами о край стола, — я хочу услышать, что именно, по мнению Веллы Линд, стоит того, чтобы будить меня среди ночи и приводить в мой дом эриду.

На этом слове я невольно замираю. Все внутри на миг собирается в тугий холодный узел, и я успеваю подумать, что вот сейчас начнется, сейчас в его голосе проступит то знакомое человеческое отвлечение, жадность, научный интерес или хотя бы осторожный страх, но он не делает ничего, а только стоит напротив, склонив голову, и ждет, словно уже назвал очевидное и не видит смысла превращать это в сцену.

Велла бросает на меня быстрый взгляд не обращая внимание на то, что алхимик распознал мою личность.

— Покажи книгу.

Я не двигаюсь еще мгновение, ощущая на себе внимательный взгляд Рогнара, слишком спокойный для человека, который только что впустил в дом того, кого когда-то изучал как опасную редкость, потом все же расстегиваю сумку и достаю книгу, держа ее обеими руками перед собой. Я не протягиваю ее ему, только осторожно раскрываю на середине, позволяя лампе осветить темные строки.

— Вы знаете язык, на котором она написана?

Рогнар сразу протягивает сухую руку, но я не спешу отдавать книгу, и эта короткая заминка, почему-то делает воздух в комнате плотнее. Он смотрит не на меня, а на раскрытые страницы, потом все же поднимает глаза, и в них появляется тень нетерпения, как у человека, который привык, что ему не доверяют.

— Это вам нужна помощь, не мне, — говорит он негромко, выпрямляясь. — И если хотите, чтобы я что-то увидел, дайте ее сюда.

Он запускает руку в карман мантии и достает оттуда небольшой складной прибор, тонкую оправу из потемневшей бронзы с двумя круглыми стеклами, не похожими на привычные украшения знати, скорее на инструмент мастера. Стекла слегка мутноваты по краям, а одна дужка заменена короткой цепочкой, и видно, что вещь старая, многократно чиненная, любимая, потому что он обращается с ней очень бережно. Я смотрю на это странное приспособление дольше, чем стоило бы, потом все же кладу книгу ему в руки.

Алхимик подносит книгу ближе к лампе, разворачивает ее так, чтобы свет падал ровно на страницы, цепляет стекла к глазам, шурится, листает сначала осторожно, потом все быстрее, и я вижу, как меняется его лицо, как в нем пробуждается то особое напряжение, которое бывает у людей, наткнувшихся на нечто невозможное. Бумага тихо шуршит под его пальцами, лампа потрескивает, Велла задерживает дыхание рядом со мной, а он все листает, переворачивая страницы ногтем, наклоняясь к свету, потом наконец выдыхает сквозь зубы, качнув головой.

— Поразительно... Откуда это у вас? Не припомню, чтобы нечто подобное когда-либо проходило через архивы Веларрона. Даже в Ордонансе после произошедшего ничего такого не обнаружили, хотя вынесли его весь до основания.

Ордонанс...

Я слышала об этом от Кирана, который иногда тайком приходил в Веларрон уже после падения Золотого века. Он рассказывал, что школу закрыли, вычистили до основания, и люди Дариана вынесли оттуда все, что показалось им ценным, а уже потом, когда страх улегся и над

руинами перестали стоять караулы, туда потянулись жители, таща кто доски, кто мебель. От прежнего Ордонанса очень быстро осталась одна разграбленная оболочка с выбитыми окнами, и сорванными дверями.

— Это не копия, — продолжает Рогнар, проводя пальцем по страницам. — И не поздняя компиляция. Чернила старые, но хорошо сохранены.

— Вы можете это прочесть? — спрашивает Велла, подаваясь вперед и с трудом удерживая нетерпение.

Рогнар хмыкает, снова поднося страницы к лампе.

— Не все сразу. Но достаточно, чтобы понять главное. Это Риен-дар, сомнений нет. Мне понадобится время.

Я смотрю на него исподлобья, сдерживая желание вырвать книгу обратно просто потому, что слишком многое в его голосе начинает напоминать мне людей, которые, увидев редкость, уже мысленно перестают считать ее чужой собственностью.

— Мы ее нашли, — говорю я негромко, и он поднимает на меня внимательный взгляд. — И просто принесли ее вам. Так что не пытайтесь сделать вид, будто теперь она принадлежит вашему столу только потому, что вы умеете разбирать буквы.

Уголок его рта дергается в усталой улыбке. Он осторожно закрывает книгу ладонью, словно успокаивая слишком живое существо.

— Разумно, — произносит он. — Значит, вы хотя бы не глупы. Это уже облегчает дело. Если вас тревожит сохранность книги, вы можете остаться в моем доме, пока я буду ее переводить.

Я смотрю на него молча, и от одной только мысли, что мне придется остаться здесь, под этой крышей, среди его склянок, ножей и записей, у человека, который всю жизнь изучал таких, как я, мне делается холоднее, чем от ветра снаружи. Быть в доме Рогнара уже кажется ошибкой, терпимой лишь потому, что выбора у меня почти нет, но остаться здесь... Он, должно быть, читает это по моему лицу, потому что склоняет голову, глядя на меня спокойно.

— Вижу, вы наслышаны обо мне, — говорит он, проводя сухим большим пальцем по краю переплета. — Не переживайте. Все это осталось в прошлом. Я не собираюсь бросаться на вас с крюками только потому, что вы переступили мой порог. Возраст, знаете ли, делает человека бережливее. Даже в дурных привычках.

Велла, до этой минуты молчавшая и следившая за ним с напряжением, наконец решается вмешаться, и я по одному движению ее плеч уже понимаю, что она сейчас скажет нечто куда более опасное, чем следовало бы говорить так рано.

— Ей нужен имфирион. Она не может добывать его сама. У вас же есть запасы, насколько я знаю?

Рогнар переводит взгляд на Веллу, потом на меня, и я вижу, как в его лице что-то едва заметно меняется, будто разговор, до этого опасный, но все еще академический, наконец коснулся того, что пахнет настоящей ценой. Он медленно снимает свои стекла с глаз, складывает их и убирает обратно в карман.

— Есть, — говорит он наконец. — Но с чего вы решили, что я так просто ими поделюсь?

— Потому что вам тоже нужно то, что есть у нас, — говорит она. — Книга. Вы сами сказали, что не видели ничего подобного ни в архивах, ни в Ордонансе. Если в ней есть то, о чем вы думаете, вы не отпустите нас просто так и не станете делать вид, будто вам это безразлично.

Рогнар хмыкает, отходя от стола к полкам с книгами.

— Девочка. Интерес не равен благотворительности. — произносит он, проводя пальцами вдоль ряда корешков, останавливаясь на отдельно стоящем ящике с откидной крышкой. — Да, книга меня занимает. Да, я хочу ее прочесть. Но имфирион не сушеная мята, которую можно отсыпать в бумажный кулек из любезности. У любой капли есть цена, и уж вы, если пришли ко мне с такой просьбой, должны были это понимать.

Крышка медленно опускается, и в теплом свете лампы я вижу внутри несколько узких стеклянных сосудов. Жидкость в них кажется почти бесцветной, но стоит пламени дрогнуть, как в глубине вспыхивает бледное серебристое мерцание, слишком знакомое, чтобы перепутать его с чем-то другим. И от одного этого вида у меня под кожей проходит тихий ток, болезненный и манящий сразу.

Рогнар берет один сосуд двумя пальцами, и поднимает на уровень глаз, проверяя прозрачность.

— Итак, — произносит он, поворачиваясь ко мне. — Теперь решим, насколько вы готовы доверять человеку, о котором, как я вижу, вы слышали слишком много.

Глава 9

Каин

Ривен снова и снова дергает запястьем, пытаясь нащупать слабинку в веревке, которой его, как и нас, привязали к кольцу, вбитому в стену. Слышу, как этот упертый эрид скрипит зубами, выворачивая кисть, упрямо упираясь ногой в доски. Я тоже не сижу без дела, хотя со стороны это, возможно, выглядит именно так, потому что большую часть времени просто думаю, перебирая в голове одно и то же. Как выбраться отсюда, добраться до Луциора, достать тело Селины со дна озера, привезти ее обратно в Веларрон и наконец лечь рядом с ней самому. Пять действий, которые в голове выглядят легко, если раскладывать их одно за другим. Сначала разорвать или ослабить веревки, потом выйти из сарая так, чтобы не поднять шум, потом найти лошадей и оружие, потом уйти за стены раньше, чем Теоден обнаружит пропажу, а дальше уже только север, дорога, холод, Луциор, черная вода и Селина. Все просто, если не думать о том, что между каждым из этих шагов встанут люди, стража, расстояние, усталость, а в конце меня ждет работа могильщика для той, которую я люблю больше собственной жизни.

Адарис сидит едва двигаясь, и в тусклом свете лампы, стоящей на перевернутом ящике у стены, и я слишком хорошо вижу, что происходит у него внутри, потому что у человека, которого ударили в самое уязвимое место, всегда остается один и тот же взгляд. Кажется, его пугает уже не сам уход Элории, а то, как спокойно она это сделала. Он долго молчит, а потом вдруг поднимает на меня взгляд и смотрит, будто мысль, которую он до этого молча жевал, наконец стала для него невыносимой.

— Кто такой, этот Рогнар Мар? — спрашивает он наконец.

Я отвечаю не сразу, потому что это имя и сейчас отдает во рту старой горечью, а в памяти поднимается слишком многое, что я предпочел бы оставить в той жизни.

— Бывший придворный алхимик Веларрона, — отвечаю, пытаюсь вытянуть руки из веревки. — Служил еще при моем отце. Изучал все, что касалось природы эридов. И пытал их долгое время.

Адарис смотрит на меня в упор, и даже в тусклом свете я вижу, как едва заметно дергается угол его рта.

— Ты знал. И то есть вот так спокойно позволил отпустить Элорию к нему?

Ривен на секунду перестает дергать веревку и поворачивает голову в мою сторону, словно ему тоже интересно, как именно я собираюсь это объяснить.

— Это в прошлом, — отвечаю я. — Рогнар действительно изучал эридов, но это было во времена его службы моему отцу. После его отстранения он просто выращивает травы и делает лекарства.

Ривен у стены тихо фыркает, возвращаясь возиться с узлом.

— Какая трогательная вера в человеческую порядочность, — тянет он, снова выворачивая кисть и морщась от того, что веревка содрала с него половину кожи. — Один старый любитель резать эридов вдруг становится безобидным травником, потому что сменил дворец на огород. Звучит очень успокаивающе, человек. Особенно если не вдаваться в детали и не вспоминать, что люди обычно по своей натуре не меняются.

— С ней отправилась Велла, — отрезаю я. А она не позволит, чтобы с Элорией что-то случилось. Велла не стала бы делать ничего, что разочаровало бы меня. Она слишком привязана к моему мнению

— Почему ты так уверен? — раздраженно спрашивает Адарис из угла.

— Эта девушка поливала нивелии у моей могилы собственной кровью. Читала молитвы у склепа, рылась в том, что не смела бы даже трогать, если бы была хоть немного разумнее, и в конце концов вытащила меня из смерти. Это не доказательство?

Ривен тихо цыкает языком и качает головой.

— Любовь, — произносит он, будто пробует это слово на вкус и оно ему совсем не нравится. — Странное человеческое чувство, из-за которого вы чаще всего и творите самые нелепые, безрассудные вещи.

Я слушаю его и думаю, что он говорит о любви, но то, что я вижу в Велле, давно уже не похоже на любовь, в ней есть только одержимость. Я сжимаю челюсти, глядя на свет, мерцающий в лампе, но вместо огня перед глазами встает другой день, тот день, когда мне исполнилось девятнадцать. Отец уже решил отправить меня подавлять нарастающий мятеж в Арвалисе. Я стоял в зале, слушая его сухие указания, и в голове вместо музыки праздника крутились только карты границ, списки отрядов и имена тех, кто мог предать.

После совета я спустился в архивы за старыми свитками о предыдущих бунтах и уже собирался уйти, когда вдруг услышал легкий и беззаботный смех, совершенно неуместный для этого каменного подземелья. Я обернулся и увидел девушку, на пару лет младше меня. Она сидела на краю стола, болтая ногами, и вышивала серебряной нитью что-то на куске светлой ткани, напевая под нос старую балладу. И во всей этой картинке было что-то такое, что заставило меня забыть, зачем я пришел. Я сделал шаг ближе, намеренно цепляя каблуком камень, чтобы звук разнесся под сводами, и она тут же сбилась с мелодии, поднимая голову, и в этот момент я впервые увидел ее светлые глаза с зеленым отливом. Она улыбнулась так, словно я был всего лишь запоздалым посетителем архива, а не наследником трона.

Дочери архивариуса было шестнадцать и сколько я себя помню ее длинные, тонкие пальцы постоянно оставались в мелких следах от иголок. С Веллой всегда было о чем говорить, и все свое свободное от государственных дел время я проводил с ней. Она могла часами рассказывать о прошлом, вытаскивая из архивов такие детали, о которых я никогда бы не узнал сам. Мы говорили о королях из хроник, о глупости войн, перебирая старые свитки и иногда споря, когда она упорно отстаивала свою точку зрения. Я смеялся вместе с ней и однажды поймал себя на мысли, что рядом с Веллой не чувствовал себя ни наследником, ни будущим королем, а просто человеком, с которым можно спокойно провести время. Она всегда была рядом, приносила мне пироги из кухни, если знала, что я пропустил обед, и иногда, проходя мимо, невзначай задерживалась, чтобы смахнуть с моего плеча несуществующую пылинку.

Возвращаясь в свои покои, я каждый раз обнаруживал в кармане очередной вышитый ею платок. За пару месяцев их накопилось столько, что ими можно было обеспечить половину дворца.

Но всему приходит конец, и мой наступил в тот момент, когда Валден настойчиво мне напомнил, что будущему королю не положено сближаться с дочерью архивариуса, и что наше с ней общение уже дало повод для разговоров. Я должен думать о брачных союзах, о необходимости укреплять государство и двор не простил бы мне этот выбор. Я понял это раньше, чем она, и, возможно, именно поэтому поступил так жестоко и расстался с ней.

Но Велла не приняла этого.

Она продолжала приходить в архивы, где я работал со свитками, появляясь будто случайно, с новым платком в руках, и говорила, что это просто подарок, без обязательств. Она спокойно улыбалась, но в ее глазах было твердое упрямство, и она решила, что мой отказ — лишь временная ошибка.

Велла появлялась в коридорах тогда, когда я меньше всего этого ждал, делая вид, что разговаривает со служанкой, а сама следила за мной взглядом. Вечерами ждала в саду, приносила отвары, когда я болел, но которые я не просил.

Ее присутствие постепенно стало навязчивым.

Я начал избегать мест, где она могла появиться, но она находила способ быть рядом через случайные встречи, которые уже не казались случайными. Велла не обвиняла меня, но и не

принимала границу, которую я провел. И со временем это перестало быть просто чувствами. Это стало настойчивым преследованием.

И это продолжалось месяцами.

Ривен вдруг зло дергает веревку всем телом, вырывая меня из мыслей.

— Проклятье, — тихо ругается он сквозь зубы, изворачивая кисти. — Люди научились вить крепкие веревки. Эту так просто не разорвать.

Я, не переставая возиться с собственным узлом, поднимаю взгляд на Адариса, который, все это время неподвижно сидит в углу, в надежде пробуровать в моей голове дыру.

— Что собираешься делать, когда выберешься? — спрашиваю я, не утруждая себя мягкостью, потому что сейчас в ней нет никакого смысла.

— Пойду искать Эларию, разумеется, — отвечает он так, словно сам вопрос звучит нелепо и оскорбительно.

— Не стоит. Если Рогнар узнает в тебе Эрдаана, а он наверняка узнает, то заподозрит, что слеза эриды не такая уж легенда. А это очень плохо отразится на Эларии.

— И что тогда предлагаешь?

— Я пойду к ней, — внезапно бросает Ривен, перестав на миг бороться с веревкой. — Сарен мне голову свернет, если с Эларией что-то случится. Он доверил мне присматривать за ней, пока сам остался в Элморе.

В это время я замечаю, как Адарис резко хмурится.

— Сарен? Этот эрид еще жив?

— А ты его знаешь?

Адарис качает головой.

— Лично — нет. Но знаю, что он был очень важен для Эларии.

Замечаю, как Адарис сильнее сжимает пальцы, и по этому едва заметному жесту становится ясно, что упоминание Сарена задевает его куда сильнее, чем он хочет показать.

Я знаю, что Ривен близок к Селине. Этот эрид осмелился пробраться в замок, чтобы выгащить ее, попал в ловушку Рогнара. Его протыкали крюками прямо у нее на глазах. А в последний момент, перед тем как мои воины совершили залп болтов, Ривен спас Селину, столкнув ее в обрыв на выступающее дерево. Она рассказывала мне об этом, и когда я смотрю на него сейчас, во мне нет ревности, только благодарность за то, что он спас ее. Дал ей возможность добраться до Веларрона, чтобы я увидел ее еще раз.

— А ты что собираешься делать? — спрашивает у меня Ривен, уже перетерший одну из прядей веревки до белесого пуха.

— Отправлюсь за Селиной, — отвечаю не раздумывая.

Ривен сначала даже не понимает, серьезно ли я, и это видно по тому, как у него на лице на миг застывает странное выражение между усмешкой и растерянностью, будто он ждет, что сейчас я поясню, что это не более чем шутка или усталый бред.

— Так она же... — начинает он и не договаривает, потому что в тот же миг мы оба видим, как Адарис резко поднимается со своего места. Веревка за его спиной сразу натягивается до сухого скрипа, а он, стоя в полоборота к нам, смотрит уже не на нас даже, а куда то мимо, в ту точку, где заканчивается терпение.

— Я больше не собираюсь здесь сидеть.

— Ты поаккуратнее, — мотает головой Ривен. — Кольцо вбито крепко. Руки себе вывернешь.

— Я не собираюсь выламывать руки, — отвечает Адарис и в следующую секунду он резко вскидывает ногу и бьет по лампе, что лежит на перевернутом ящике. Стекло с хрустом раскалывается, и вырвавшееся на волю пламя мгновенно перекидывается на рассыпанную по полу солому. Огонь вспыхивает, облизывая край настила, и жар от него в один удар меняет воздух в сарае, вытесняя сырость дымом.

— О, великолепно, — выдыхает Ривен, таращась на растущий огонь с таким видом, будто не может решить, восхищаться этим ходом или проклинать его. — Нет, я, конечно, всегда за красивые решения, но подпаливать конюшню, пока мы все еще внутри, это уже уровень, до которого даже я редко дохожу.

— Ты с ума сошел, — говорю я резко, подаваясь вперед и глядя, как языки пламени бегут по соломе все дальше.

— Теоден твой брат. Он не даст тебе умереть, когда увидит пожар, — бросает Адарис, даже не оборачиваясь ко мне.

В ответ на эти слова дверь конюшни резко распахивается, ударяясь о стену, и внутрь, щурясь от внезапного жара, вваливается стражник, растрепанный, сонный, в наброшенном поверх рубахи кожаном жилете, и с перекошенным от страха лицом. Он на миг замирает, уставившись то на огонь у стены, то на нас, то на разбитый фонарь, и тут же срывается на визг, хватая ведро.

— Да вы совсем сдурели, — рывкает он, зачерпывая из бочки воду и выплескивая ее на пламя. — Что вы устроили? Проклятье, король мне голову с плеч снимет, если вы тут помрете.

Вода шипит, солома оседает, но огонь не гаснет до конца, только злее расползается в стороны сизым дымом, и стражник снова ругается сквозь зубы, отбивая сапогом тлеющий клочок у стены. Тяжело дыша, он мотает головой, не понимая, с какого именно безумия этой ночи ему теперь начинать разбираться. Потом, спохватившись, лезет к поясу, и выхватывает нож.

— Сейчас освобожу, только не вздумай бежать, — бормочет он, подбегая ближе ко мне.

Он режет веревку у кольца, оставляя руки связанными. Потом сразу бросается к Ривену, затем к Адарису.

— Вон отсюда, живо, — рывкает он, махнув ножом к двери.

Мы вылетаем наружу один за другим, в ночной воздух. Стражник идет последним, оборачиваясь на дверь и явно собираясь снова вернуться за водой, но я резко разворачиваюсь к нему боком и с силой врезаюсь ему плечом в грудь, сбивая равновесие, и сразу же бью лбом в нос. Он захлебывается воздухом, вскидывая руки, и я, не давая ему опомниться, наваливаюсь всем телом, придавив плечом к стене конюшни, пока он окончательно не обмякает, потеряв сознание.

Ривен, нагнувшись, подхватывает нож с земли, а я сразу опускаюсь на одно колено и подставляю ему запястья. Он быстро срезает остаток веревки, и я тут же забираю у него клинок. Не теряя времени, перерезаю путы сначала на его руках, потом у Адариса.

Ривен растирает затекшие запястья, морщится, потом вскидывает на нас глаза, и на его лице появляется дерзкая решимость.

— Ну, господа, мне туда, — говорит он, кивнув в сторону темной улицы. — Было приятно иметь с вами дело. Искренне надеюсь, что до рассвета вы не умрете, потому что мне будет обидно терять таких занятных знакомых.

И, не дожидаясь ответа, исчезает, срываясь с места так быстро, что через миг в темноте остается только слабый шорох его шагов да колыхнувшаяся тень у стены.

Я провожаю его взглядом всего секунду, потом замечаю у дровяного навеса короткий колун, с потертой деревянной рукоятью. Беру его без колебаний, и киваю Адарису в сторону конюшни, где за дощатой перегородкой уже тревожно мечутся кони.

— Нужно бежать. Возьмем лошадей.

Он кивает без лишних слов и мы бросаемся к стойлам, срывая засовы. Лошади в панике бьются о перегородки, и я хватаю первую попавшуюся уздечку, накидываю ее на шею вороного жеребца, который рвется в сторону выхода.

И именно в этот момент со стороны внутреннего двора раздаются крики. Кто то орет про пожар, кто то про узников, кто то требует воды, и среди этого суматошного гама вдруг прорывается голос, который я узнаю раньше, чем вижу самого человека. Теоден вылетает из

бокового прохода едва босой, в ночной рубахе, поверх которой наспех наброшен темный плащ, волосы растрепаны, глаза злые и еще не до конца проснувшиеся, но уже ясные настолько, что он мгновенно понимает все. За ним бегом выходит Эрис, такая же наспех одетая, в светлом платье под легким плащом, с распушенной косой, выскользнувшей из-под капюшона.

— Каин, стой! — орет Теоден. — Да ты совсем рехнулся? Стой, я сказал!

Но я уже вскакиваю в седло и даже не оборачиваюсь к нему. Если сейчас начну слушать его, что-то объяснять или хотя бы на миг увижу в нем брата, а не помеху, мы уже никуда не убежим.

Адарис взлетает на серую кобылу следом за мной, и мы срываемся с места, направляя лошадей к арке выезда из заднего двора, где в обычные дни ездят слуги и подвозят сено. Позади снова слышу Теоденов крик, уже яростнее, потом металлический звон, чей то приказ перекрыть ворота, и сердце у меня сжимается, потому что, конечно, они не дадут нам просто вылететь в ночь на глазах у всей стражи. У самых ворот уже выскакивают двое караульных, один тянет тяжелый засов, второй вместе с подоспевшим конюхом наваливается на створку, смыкая проход быстрее, чем мы успеваем проскочить.

— Влево, — бросаю я Адарису, резко осаживая коня и уводя его от закрывающейся арки.

Мы одновременно сворачиваем, и лошади уносят нас вдоль стены, мимо колодца, штабеля пустых бочек и кучи дров. За спиной уже слышу, как Теоден тоже требует коня, как стража мечется, не понимая, ловить нас, тушить конюшню или выполнять сразу все, а Эрис, перекрывая общий гул, кричит что-то про северную калитку.

Значит, соображает быстрее многих, значит, скоро перекроют и там.

— Нас зажмут, — бросает Адарис, оглядывая двор одним быстрым, расчетливым взглядом.

Я тоже смотрю и замечаю у боковой стены тяжелую телегу с бочками для воды, оставленную после вечерней работы у самого ската, где двор уходит вниз к хозяйственной ограде. Старый деревянный навес там почти сгнил, а за ним, если память меня не подводит, низкая часть внешней стены, и камень в ней местами треснул еще в ту зиму.

— За телегой, — говорю я. — Сбей ее.

Мы уходим к телеге с двух сторон, и я, перехватив колун, со всего размаха бью по подпорке у колеса, уже треснувшей от сырости. Адарис в этот же миг разворачивает лошадь, та вскидывается и бьет копытами, а потом всем весом наваливается в задок телеги. Та сначала только кренится, но потом одно колесо соскакивает с каменного упора, и тяжелая, полная бочек телега с грохотом идет вниз по скату. Бочки срываются одна за другой, врезаются в навес, и вся эта масса с чудовищным треском сносит гнилые стойки и влетает в слабый участок стены.

Камень не выдерживает, целый кусок кладки, и без того старой и сырой, вываливается наружу вместе с бочками, открывая рваный пролом шириной в два коня, заваленный обломками, но проходимый. На миг весь двор замирает от этого грохота, даже крики сбиваются.

— Пошел! — рывкаю, ударяя коня пятками.

Конь прыгает по обломкам. Адарис идет сразу следом на серой кобыле, и еще через мгновение мы оба уже мчимся снаружи, по узкой темной тропе за стеной. Позади снова поднимается крик, теперь уже совсем другой, бешеный и неверящий, Теоден орет мое имя так, словно еще надеется, что одним голосом способен вернуть меня назад, но я не оборачиваюсь. Передо мной ночь, склон, редкие голые деревья и дорога, уходящая между хозяйственными сараями вниз к реке, и только это сейчас имеет значение.

Мы пускаем лошадей в галоп, пригибаясь к шеем, чтобы не потерять скорость на спуске. Я знаю, что за нами пошлют погоню, что Теоден не остановится, что эту ночь нам еще не раз попытаются перекрыть, но сейчас мы вырвались, а этого достаточно, чтобы дальше решать уже на ходу.

— Куда? — бросает Адарис сквозь ветер.

— Сначала вниз, к старой мельнице, — отвечаю я, поворачивая голову к черной линии гор на севере, едва различимой на фоне ночного неба, и ответ приходит без колебания, потому что с самого начала он был только один.

— А потом в Луциор.

Глава 10

Теоден

Я хожу по залу так быстро, что сам себе напоминаю зверя, которого загнали в клетку и теперь еще пытаются убедить, что он должен вести себя достойно, потому что он, видите ли, король, а короли не орут среди ночи, не швыряют со стола кубки и не хватаются за голову, когда у них из-под носа уходит человек, которого они уже однажды похоронили, а потом, как выясняется, и не хоронили вовсе. На мне поверх ночной рубахи кое-как затянут тяжелый темный халат, волосы лезут в глаза, в висках стучит так, будто пожар до сих пор полыхает не в конюшне, а у меня в черепе. А Валден, сухой, прямой, застегнутый до самого горла даже в этот час, стоит у стола с таким лицом, словно не замок среди ночи всполошился и не король едва не сорвался в погоню, а просто нерадивый мальчишка снова не выучил урок и теперь заслуженно получает выговор. Эрис стоит в стороне, тоже сонная, бледная, с накинутым на тонкую сорочку плащом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.